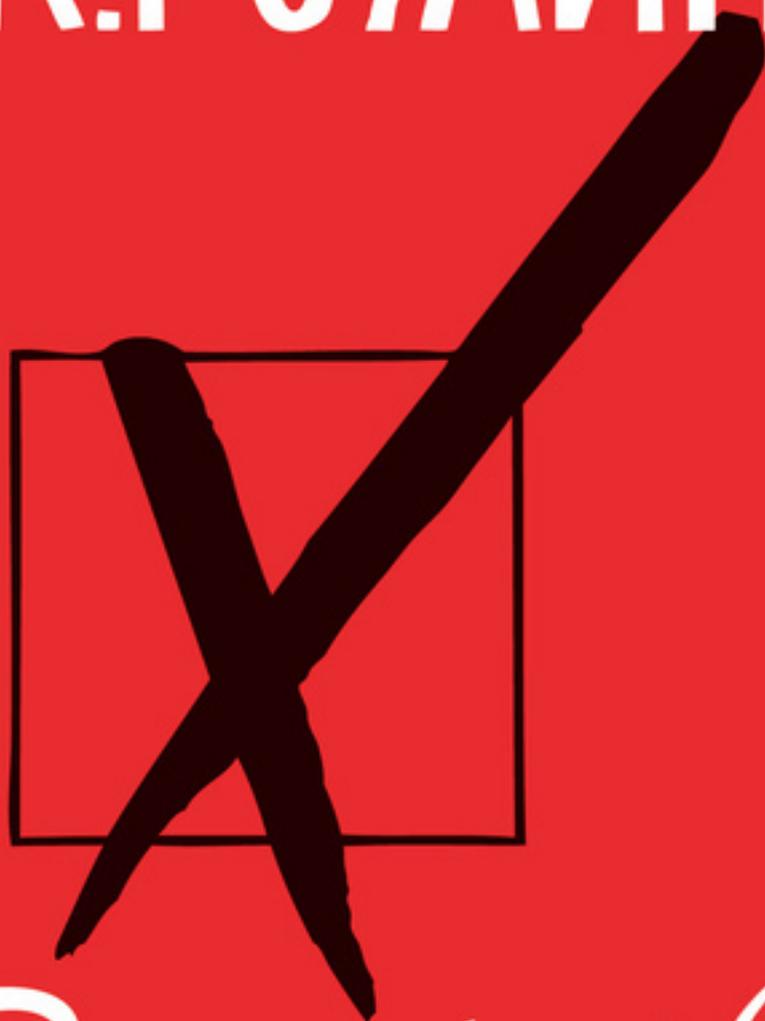

ДЖ.К. РОУЛИНГ

*Случайная
Вакансия*

The Big Book

Джоан Кэтлин Роулинг

Случайная вакансия

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Роулинг Д.

Случайная вакансия / Д. Роулинг — «Азбука-Аттикус»,
2012 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-07987-8

В Пэгфорде на сорок пятом году жизни скоропостижно скончался член местного совета Барри Фейрбразер. Это событие повергло горожан в шок. В провинциальном английском городке с мощеной рыночной площадью и древним монастырем, казалось бы, царит идиллия, но так ли это в действительности? Что скрывается за красивыми английскими фасадами? На самом деле тихий городок уже давно находится в состоянии войны. Богатые конфликтуют с бедными, подростки – с родителями, жены – с мужьями, учителя – с учениками... Пэгфорд не такой, каким кажется на первый взгляд. Но освободившееся кресло в местном совете только обостряет все эти конфликты и грозит привести к такой войне, которой еще не видел маленький городок. Кто сумеет победить на выборах, наполненных страстью, двуличием и неожиданными разоблачениями? Это большой роман о маленьком городе и первая книга Джоан Роулинг для взрослых. Прекрасное произведение, созданное удивительным рассказчиком.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-07987-8

© Роулинг Д., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Часть первая	6
Воскресенье	7
Понедельник	9
I	9
II	11
III	13
IV	15
V	17
VI	19
VII	23
VIII	26
IX	28
X	31
(Дела минувшие)	34
I	34
II	34
III	35
IV	36
V	37
VI	38
Вторник	40
I	40
II	41
III	45
IV	49
V	51
VI	54
VII	59
Среда	62
I	62
II	68
III	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джоан К. Роулинг

Случайная вакансия

Посвящается Нилу

First published in Great Britain in 2012 by Little, Brown Book Group with the title THE CASUAL VACANCY

Copyright © J.K.Rowling 2012

Моральное право автора заявлено.

Все персонажи и события, за исключением тех, которые бесспорно являются всеобщим достоянием, вымышлены; любое сходство с реальными лицами, как ныне живущими, так и покойными, является случайным.

“Umbrella”

Written by Terius Nash, Christopher “Tricky” Stewart, Shawn Carter and Thaddis Harrell

© 2007 by 2082 Music Publishing (ASCAP) / Songs of Peer Ltd. (ASCAP) / March Ninth Music Publishing (ASCAP) / Carter Boys Music (ASCAP) / EMI Music Publishing Ltd. (PRS) / Sony/ATV Music Publishing (PRS)

All rights on behalf of WB Music Corp. and 2082 Music Publishing Administered by Warner/Chappell North America Ltd.

All rights on behalf of March Ninth Music Publishing Controlled and Administered by Songs of Peer Ltd. (ASCAP).

All rights on behalf of Carter Boys Music Controlled and Administered by EMI Music Publishing Ltd.

All rights on behalf of Thaddis Harrell Controlled and Administered by Sony/ATV Music Publishing

“Green, Green Grass of Home”

© 1965 Sony/ATV Music Publishing LLC. All rights administered by Sony / ATV Music Publishing LLC, 8 Music Square West, Nashville, TN 37203. All rights reserved. Used by permission.

Cover copyright: © 2012 Hachette Book Group, Inc., USA. Used by permission.

Jacket design by Mario J. Pulice

Jacket illustration and hand-lettering by Joel Holland

Перевод с английского Елены Петровой

© Е. С. Петрова, перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014 Издательство АЗБУКА®

Часть первая

6.11 Случайная вакансия считается открытой:

(а) если член местного совета не заявляет о принятии своих полномочий в течение установленного срока, или

(б) если от него поступает уведомление о сложении своих полномочий, или

(в) по факту его смерти...

Чарльз Арнольд-Бейкер

Организация работы местного совета

7-е изд.

Воскресенье

Барри Фейрбразер не хотел ехать в ресторан. С вечера пятницы его мучила головная боль; он даже не был уверен, что сумеет в срок завершить статью для местной газеты.

Однако за обедом жена держалась слегка натянуто и отчужденно, из чего Барри сделал вывод, что поздравительной открытки к их годовщине свадьбы не хватило, чтобы загладить его преступное уединение в кабинете. Вину его усугубляло то, что писал он о Кристал, которую Мэри терпеть не могла, хотя изображала обратное.

– Мэри, хочу пригласить тебя на ужин, – солгал он, чтобы растопить лед. – Девятнадцать лет, дети мои! Девятнадцать лет, а ваша мама только хорошеет.

Смягчившись, Мэри заулыбалась, и Барри, чтобы не ехать слишком далеко, позвонил в ресторан гольф-клуба, где всегда были свободные столики. В малом он старался потакать жене, потому как понял, прожив с нею без малого два десятка лет, что в главном часто ее огорчает. Разумеется, без злого умысла. Просто у них были совершенно разные представления о жизненных приоритетах.

Все четверо детей Барри и Мэри уже вышли из того возраста, когда им требовалась няня. Он несколько раз сказал «до свидания», но они не отрывались от телевизора, и только самый младший, Деклан, обернулся и помахал.

Головная боль все так же стучала за ухом, когда Барри задним ходом вывел машину на проезжую часть и взял курс через живописный городок Пэгфорд, где они поселились сразу после свадьбы. Миновав идущую под откос улицу Черч-роу, на которой стояли викторианские особняки во всей своей красе и солидности, он свернул за угол возле псевдоготической церкви, где его дочери-близняшки когда-то выступали в спектакле «Иосиф и его удивительный разноцветный плащ снов»¹, а дальше – через Центральную площадь, откуда открывался вид на темный скелет главной достопримечательности – стоящего на высоком холме разрушенного аббатства, устремленного к лиловому небу.

Пока Барри крутил руль, вписываясь в знакомые повороты, все его мысли были о тех недочетах, без которых, конечно же, не обошлась законченная второпях статья, только что отправленная по электронной почте в газету «Ярвил энд дистрикт». Общительный и жизнерадостный, он с трудом выражал свою личность на письме.

От Центральной площади оставалось каких-то четыре минуты езды до гольф-клуба, а дальше городок шел на убыль, заканчиваясь россыпью обветшалых построек. Барри припарковал свой минивэн у клубного ресторана «Берди»², а потом немного постоял рядом, пока Мэри подкрашивала губы. Лицо приятно холодило вечерний воздух. Обводя глазами поле для гольфа, уходившее в сумерки, Барри спросил себя, стоило ли годами платить членские взносы. Гольфист из него был никудышный: замах орлиный – удар ослиный. А времени так или иначе ни на что не хватало. Между тем голова просто раскалывалась.

Выключив подсветку зеркала, Мэри захлопнула дверцу со стороны пассажирского сиденья. Барри, державший наготове брелок, нажал на кнопку автозамка. Жена зацокала шпильками по асфальту, центральный замок пискнул, и Барри понадеялся, что от еды у него пройдет тошнота.

Боль пушечным ядром взорвала мозг. Колени ударились о холодный асфальт, но Барри этого не почувствовал; череп захлестнуло волной огня и крови; агония была столь мучитель-

¹ Второй мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса (1968) рассказывает библейскую историю Иосифа Прекрасного. (Здесь и дальше – прим. перев.)

² *Берди* – термин из игры в гольф: число ударов на один меньше, чем пар.

ной, что терпеть ее не было сил, но он терпел, потому что от вечности его отделяла ровно минута.

Мэри вскрикнула – и уже не умолкала. Из бара выскочили какие-то люди. Один тут же ринулся назад, вспомнив, что среди членов клуба есть двое врачей на пенсии. Знакомая супружеская пара, услышав из ресторана крики, даже не прикоснулась к еде и побежала на стоянку, чтобы оказать посильную помощь. Муж набрал по мобильному 999.

«Скорая» двадцать пять минут ехала из Ярвила – это был ближайший крупный город. Когда мигалка осветила пульсирующей синевой место действия, Барри лежал в луже рвоты, без движения и без признаков жизни; Мэри в разорванных колготках стояла рядом на коленях и сжимала его руку, сотрясаясь от рыданий и повторяя его имя.

Понедельник

I

– Соберись с духом, – сказал Майлз Моллисон, стоя в кухне большого особняка на Черчроу.

Чтобы сделать этот звонок, он выждал до половины седьмого. Ночь прошла беспокойно, он подолгу не смыкал глаз и лишь урывками проваливался в тревожный сон. В четыре часа утра он понял, что жена тоже не спит, и они негромко поговорили в темноте.

Обсуждая то, что произошло у них на глазах, оба пытались отойти от потрясения и безотчетного ужаса, но при этом Майлза щекотало легкое пульсирующее возбуждение от мысли о том, как он сообщит эту весть своему отцу. Майлз намеревался дождаться семи часов, но опасение потерять пальму первенства погнало его к телефону еще раньше.

– Что стряслось? – захохотал Говард с легким жестяным призывком: это Майлз включил для Саманты громкую связь.

Бледно-розовый халат еще больше подчеркивал коричнево-махагоновый оттенок ее кожи: воспользовавшись ранним подъемом, она освежила свой тускнеющий загар средством из тюбика. В кухне смешались запахи растворимого кофе и синтетического кокоса.

– Фейрбразер умер. Вчера вечером рухнул как подкошенный в гольф-клубе. Мы с Сэм как раз ужинали у «Берди».

– Фейрбразер *умер*? – проревел Говард.

Его интонация предполагала, что Говард не удивился бы какому-нибудь драматическому развитию событий, связанных с Барри Фейрбразером, но такой новости даже он никак не мог ожидать.

– Рухнул как подкошенный прямо на стоянке, – повторил Майлз.

– Бог ты мой, – ахнул Говард. – Сколько ж ему было – всего-то сорок с небольшим? Бог ты мой.

Майлз и Саманта слушали, как Говард пыхтит, словно загнанный конь. По утрам его вечно мучила одышка.

– И что это было? Сердце?

– Говорят, что-то в мозгу. Мы поехали вместе с Мэри в больницу, и там...

Но Говард пропустил ответ мимо ушей. Майлз и Саманта слушали, как он говорит в сторону:

– Барри Фейрбразер! Умер! Майлз на связи!

Прихлебывая кофе, Майлз с Самантой ожидали, пока Говард не вернется к разговору. Когда Саманта присела за кухонный стол, полы халата слегка разошлись, обнажив богатство пышного бюста, который сейчас покоился на ее сложенных руках. Подпираемые снизу, груди выглядели более упругими и гладкими, нежели в привычном висячем состоянии. Клеенчатая кожа между ними подернулась мелкими трещинками, которые уже не исчезали, когда Саманта распрямлялась. По молодости она злоупотребляла посещением солярия.

– Что ты начал говорить? – Говард вернулся на линию. – Что-то про больницу.

– Мы с Сэм поехали на «скорой», – четко артикулировал Майлз. – Чтобы сопроводить Мэри и тело.

Саманта отметила, что Майлз со второго захода усилил, так сказать, рекламный аспект своего рассказа. Она не осуждала. Если уж им выпало пережить этот кошмар, должна же быть какая-то компенсация – хоть людям рассказать как и что. Ей казалось, она никогда в жизни этого не забудет: как в голос рыдала Мэри; как Барри лежал в кислородной маске, словно в

наморднике, и глаза у него все время были полуоткрыты; как они с Майлзом пытались угадать, что скрывается за непроницаемостью медиков; и спазматические толчки, и темные окна, и весь этот ужас.

– Бог ты мой, – в третий раз протянул Говард, не отвечая на приглушенные расспросы Ширли: его вниманием полностью завладел Майлз. – Рухнул замертво прямо на стоянке?

– Да-да, – подтвердил Майлз. – Я как увидел, сразу понял: ему конец.

Это была его первая ложь, и он отвел взгляд от жены. Она прекрасно помнила, как он своей ручищей покровительственно обхватил вздрагивающие плечи Мэри: «Его поставят на ноги... поставят на ноги...»

«Но в конце-то концов, – думала Саманта, оправдывая мужа, – кто мог знать, как оно обернется, если медики тут же нацепили маски и забегали со шприцами?» Похоже, они надеялись его спасти – не понимали, что это без толку, пока в больнице к Мэри не подошла молоденькая докторша. У Саманты перед глазами до сих пор с ужасающей четкостью стояла эта картина: и беззащитное, застывшее лицо Мэри, и вид этой гладко причесанной, очкастенькой девушки в белом халате, собранной и немного настороженной... В сериалах такое показывают что ни день, но когда взаправду...

– Ровным счетом ничего, – продолжал Майлз. – Гэвин еще в четверг играл с ним в сквош.

– И ничто не предвещало?

– Абсолютно. Он Гэвина разгромил.

– Бог ты мой. Значит, судьба такая, верно? Значит, судьба такая. Погоди, тут мама что-то сказать хочет.

В динамиках стукнуло и звякнуло, а затем послышался вкрадчивый голос Ширли.

– Какое ужасное потрясение, Майлз, – сказала она. – Как вы это выдержали?

Саманта неловко глотнула кофе; темные струйки потекли от уголков рта к подбородку, и она утерла лицо и грудь рукавом. Майлз всегда разговаривал с матерью по-особому: глубоким и властным голосом, непреклонно, напористо и деловито. Иногда, особенно в подпитии, Саманта передразнивала беседы Майлза и Ширли. «Ни о чем не тревожься, мамочка. У тебя есть Майлз. Твой стойкий оловянный солдатик». – «Солнышко, ты у меня просто чудо: большой, храбрый, умный». Бывало, Саманта разыгрывала эту сценку в гостях; Майлз злился и ошетикивался, но для виду похохатывал. А в прошлый раз у них на обратном пути прямо в машине вышел скандал.

– Неужели вы ехали с ней до самой больницы? – спрашивала Ширли на всю кухню.

Нет, мысленно отбрила Саманта, на полпути заскучали и вылезли.

– Это самое малое, что мы могли сделать. К сожалению, остальное было не в нашей власти.

Тут Саманта не выдержала и пошла к тостеру.

– Не сомневаюсь, что Мэри вам очень благодарна, – сказала Ширли.

Громыхнув крышкой хлебницы, Саманта сунула четыре белых ломтика в решетчатые щели тостера. Голос Майлза сделался более естественным.

– В общем, когда врачи сказали... констатировали смерть, Мэри попросила вызвать Колина и Тессу Уолл. Сэм тут же им позвонила, мы дождались их приезда и только тогда вернулись домой.

– Ей очень повезло, что вы оказались рядом, – заключила Ширли. – Сейчас еще папа хочет что-то сказать, Майлз, передаю трубочку. Мы с тобой позже поболтаем.

– Мы с тобой позже поболтаем, – одними губами проговорила Саманта, обращаясь к чайнику.

В нем отражалось ее лицо, опухшее после бессонной ночи. Карие глаза воспалились: чтобы ничего не упустить из рассказа мужа, она слишком поспешно и неосторожно нанесла на веки лосьон для искусственного загара.

– Может, заглянете к нам вечером? – захохотал Говард. – Нет, погоди... мама напомнила, что мы сегодня играем в бридж с Балдженсами. Приезжайте завтра. На ужин. Часам к семи.

– Постараемся, – ответил Майлз, косясь на жену. – Я спрошу, какие планы у Сэм.

Она не выразила ни согласия, ни протеста. Когда Майлз повесил трубку, напряжение странным образом разрядилось.

– Не сразу поверили, – сказал он, как будто Саманта не присутствовала при разговоре.

Они молча ели тосты, запивая их свежей порцией кофе. Жевательные движения умили досаду Саманты. Она вспомнила, как с рассветом судорожно подскочила на кровати в темной спальне и до смешного быстро успокоилась, когда с благодарностью нащупала рядом с собой Майлза, такого большого, с брюшком, пахнущего камфорным маслом и застарелым потом. Вслед за тем она представила, как будет рассказывать покупательницам у себя в бутике, что прямо у нее на глазах человек упал замертво и что они с мужем помчались на «скорой» в больницу. Она до мелочей продумала, как опишет все этапы поездки, вплоть до самой драматичной сцены, когда появилась докторша.

Все дело портила молодость этой невозмутимой особы. Могли бы доверить такое важное сообщение кому-нибудь посolidнее. Впрочем, настроение опять было на подъеме: Саманта вспомнила, что на завтра у нее назначена встреча с торговым представителем фирмы «Шанпетр»; по телефону они мило пофлиртовали.

– Ладно, пора двигаться, – сказал Майлз, допив кофе и поглядев на светлеющее за окном небо.

С глубоким вздохом он отнес тарелку и кружку в посудомоечную машину, не забыв на ходу похлопать жену по плечу:

– Волей-неволей задумаешься, верно?

Покачивая коротко стриженной, сидящей головой, он вышел из кухни.

Саманте он порой казался нелепым, а в последнее время еще и нудным. Впрочем, ей было приятно, что он изредка позволяет себе многозначительный слог, примерно так же, как она сама по особым случаям позволяла себе надеть шляпку. А что, в такое утро вполне уместна была многозначительность и некоторая торжественность. Доедая тост и убирая со стола, она мысленно отрепетировала готовый рассказ для своей продавщицы.

II

– Барри Фейрбразер умер, – выдохнула Рут Прайс.

Она почти бежала по стылой садовой дорожке, чтобы застать мужа, пока тот не ушел на работу. Даже не остановившись в прихожей, чтобы снять пальто и перчатки, она ворвалась в кухню, где завтракали Саймон и двое их сыновей-подростков.

Ее муж оцепенел, поднеся ко рту ломтик тоста, который тут же опустил на тарелку театрально-медлительным жестом. Мальчики смотрели то на мать, то на отца, но без особого интереса.

– Говорят, аневризма, – сказала Рут, переводя дыхание; палец за пальцем она стянула перчатки, потом размотала шарф, расстегнула пальто. Худенькая, темноволосая, с тяжелыми веками над скорбными глазами, она неплохо выглядела в голубой сестринской форме. – Упал прямо в гольф-клубе... его сопровождали Саманта и Майлз Моллисоны... а потом приехали Колин и Тесса Уолл...

Рут бросилась обратно в прихожую, повесила верхнюю одежду и вернулась, чтобы ответить на вопрос, который Саймон прокричал ей вслед:

– Что такое «таневризма»?

– А-нев-риз-ма. Поражение артерии головного мозга.

Она порхнула к чайнику, щелкнула кнопкой и принялась сметать крошки, скопившиеся вокруг тостера, а сама говорила:

– Похоже, у него было обширное кровоизлияние в мозг. Бедная, бедная его жена... она совершенно убита...

На мгновение застыв, Рут посмотрела в кухонное окно, на хрусткую белизну инея, на аббатство за долиной, темневшее скелетом на фоне бледного розовато-серого неба, на панорамный вид, который составлял гордость Хиллтоп-Хауса. Пэгфорд, который ночью был не более чем скоплением мерцающих в темной низине огоньков, сейчас открывался холодному рассвету. Но Рут этого не замечала: мыслями она все еще находилась в больнице и смотрела, как из палаты, куда поместили Барри, выходит Мэри, поняв, что бесполезные системы жизнеобеспечения отключены. Искреннее сочувствие Рут распространялось в первую очередь на тех, кто, с ее точки зрения, был похож на нее. «Нет, нет, нет, нет», – твердила Мэри, и это инстинктивное неверие эхом отзывалось в душе Рут, увидевшей себя на ее месте.

Гоня прочь эти мысли, она обернулась и посмотрела на Саймона. Его светло-каштановые волосы совсем не поредели, фигура оставалась жилистой, как в двадцать с небольшим, а морщинки у глаз только добавляли ему привлекательности, но Рут, после долгого перерыва вернувшаяся к своей профессии, вновь осознала, сколь уязвимо, тысячу раз уязвимо человеческое тело. В молодости она была куда менее чувствительной, а нынче радовалась уже тому, что все они живы.

– Неужели ничего нельзя было сделать? – спросил ее Саймон. – Подключили бы какой-нибудь аппарат.

Он возмущался, как будто медицина в который раз показала свою никчемность, не совершив самого простого и очевидного.

Эндрю внутренне злорадствовал. Он заметил, что в последнее время отец, заслышав из уст матери медицинские термины, непременно высказывает дурацкие, невежественные соображения. Кровоизлияние в мозг. «Подключили бы какой-нибудь аппарат». А мать и бровью не повела. Как всегда. Эндрю жевал хлопья «Витабикс» и закипал ненавистью.

– Когда его привезли, было слишком поздно, – сказала Рут, доставая чайные пакетики. – Он скончался по дороге в больницу.

– Черт побери, – бросил Саймон. – Сколько ж ему было, лет сорок?

Но Рут уже переключилась на другое:

– Пол, у тебя на затылке колтун. Ты когда-нибудь причесываешься?

Она достала из сумки щетку для волос и сунула ее сыну.

– А какие-нибудь признаки были? – допытывался Саймон.

Пол водил щеткой по густым, спутанным волосам.

– Кажется, пару дней его донимали сильные головные боли.

– Угу. – Саймон жевал тост. – А ему – хоть бы что?

– Ну, он не придавал этому значения.

Саймон проглотил.

– Значит, судьба такая, – с видом знатока изрек он. – А вообще надо было за собой следить.

«Как мудро. – Эндрю едва сдерживал презрение. – Какая глубокая мысль. Выходит, человек сам виноват, что у него в мозгу лопнула артерия. Самодовольный старпер», – молча бросил он в лицо папаше.

Саймон ткнул ножом в сторону старшего сына и объявил:

– Да, между прочим: *этот* у нас пойдет работать. Пицца-Тупица.

Рут испуганно переводила взгляд с мужа на сына. У Эндрю на багровых щеках проступили свежие угри; он уставился в миску с бежевым месивом.

– Да-да, – подтвердил Саймон. – Ленивому засранцу придется зарабатывать самому. Если хочет курить, пусть платит из своих. От меня больше ни гроша не получит.

– Эндрю! – простила Рут. – Неужели ты...

– Не сомневайся. Я сам его застучал в сарае, – с неприкрытой злобой переплюнул через губу Саймон.

– Эндрю!

– Больше никаких денег. Хочешь травиться – покупай на свои! – бушевал Саймон.

– Но мы же говорили, – застонала Рут, – мы же говорили, у него экзамены на носу...

– Притом что тренировочные экзамены он просрал, нам еще повезет, если он сдаст хоть один. Ну, путь в «Макдональдс» всегда открыт – пусть опыта набирается. – Саймон поднялся из-за стола и, с грохотом отшвырнув стул, с удовлетворением посмотрел на опущенный прыщавый лоб сына. – Переэкзаменовки тебе оплачивать никто не будет, приятель. Сейчас или никогда.

– О, Саймон, – взмолилась Рут.

– Что?!

Саймон сделал два грозных шага в сторону жены. Рут отступила к раковине. Пол выронил розовую щетку.

– Я не стану потакать этому гаденышу! Какая наглость, черт побери, – дымить у меня в сарае! – Со словами «у меня» Саймон ударил себя в грудь; от этого глухого стука Рут содрогнулась. – Да я в возрасте этого прыщавого засранца уже приносил в семью зарплату. Если на табак потянуло, пусть заработает, понятно? Понятно?!

Он склонился к лицу Рут.

– Да, Саймон, – еле слышно выговорила она.

У Эндрю плавило нутро. Дней десять назад он дал себе зарок – неужели момент настал? Но отец отстал от матери и зашагал из кухни в прихожую. Рут, Эндрю и Пол не двигались; можно было подумать, в его отсутствие они решили играть в молчанку.

– Машину заправила? – прокричал Саймон, как делал всякий раз, когда она возвращалась после ночной смены.

– Заправила, – прокричала в ответ Рут, стараясь, чтобы голос ее звучал оживленно, как ни в чем не бывало.

Входная дверь с грохотом захлопнулась.

Рут засуежилась с заварочным чайником, ожидая, что буря уляжется. Заговорила она лишь в тот момент, когда Эндрю встал, чтобы почистить зубы.

– Он беспокоится о тебе, Эндрю. О твоём здоровье.

«Как же, беспокоится он, гад».

Мысленно Эндрю всегда отвечал отцу оскорблением на оскорбление.

Мысленно он мог одолеть Саймона в честной драке.

Вслух он лишь ответил матери:

– Да. Конечно.

III

Эвертри-Кресент представлял собой полумесяц одноэтажных коттеджей постройки тридцатых годов прошлого века, в двух минутах от главной площади Пэгфорда. В доме номер тридцать шесть, который дольше других оставался в собственности одной и той же семьи, сидела в постели, обложившись подушками, Ширли Моллисон и потягивала принесенный мужем чай. Отражение, смотревшее на нее из зеркальной дверцы стенного шкафа, было слегка размытым – отчасти потому, что она еще не надела очки, а отчасти потому, что окно затемняли

шторы с рисунком из роз. При таком выгодном освещении ее бело-розовое лицо с ямочками, в обрамлении коротких серебристых волос выглядело ангельским.

Спальня была достаточно просторной, чтобы вместить две кровати: односпальную – для Ширли, двуспальную – для Говарда; сдвинутые вплотную, они смотрелись разноразмерными близнецами. Матрас Говарда, еще хранивший вмятину от его внушительного туловища, пустовал. Тихое журчанье и шипенье душа доносились туда, где любовались друг дружкой Ширли и ее отражение, смакуя новость, от которой атмосфера дома пузырилась, как шампанское.

Барри Фейрбразер умер. Испустил дух. Окочурился. Ни одно событие национального масштаба – будь то война, обвал финансового рынка или террористический акт – не могло бы вызвать у Ширли такого трепета, жгучего интереса, лихорадочного потока мыслей, какие одолевали ее сейчас.

Барри Фейрбразера она ненавидела. Здесь Ширли с мужем слегка расходились во мнениях, при том что их симпатии и антипатии, как правило, совпадали. Говард признавал, что этот бородатый коротышка, который яростно насканивал на него за исцарапанным столом пэгфордского приходского зала собраний, и в самом деле персонаж забавный, но Ширли не делала различий между политическими и личными отношениями. Барри Фейрбразер противостоял Говарду в его главном устремлении, а потому был ее злейшим врагом.

Преданность собственному мужу – вот что в первую очередь питало острую неприязнь Ширли к покойнику. Ее интуиция в плане отношения к людям безошибочно работала только в одном направлении. Как собака, натасканная на поиск наркотиков, она неусыпно вынюхивала снисходительный тон и давным-давно обнаружила его у Барри Фейрбразера и его дружок по местному совету. Барри Фейрбразер и иже с ним задирали нос, считая, что университетский диплом ставит их выше таких людей, как они с Говардом, и придает их мнению больший вес. Что ж, сегодня по их надменности был нанесен сокрушительный удар. Внезапная смерть Фейрбразера укрепила Ширли в давнем убеждении, что он и его подпевалы, при всей их кичливости, в подметки не годятся ее мужу, который вдобавок ко всем другим своим достоинствам семь лет назад стойко перенес инфаркт.

Даже когда ее Говард лежал на операционном столе, у Ширли и в мыслях не было, что он может умереть. Присутствие Говарда в этом мире было для нее данностью, как солнечный свет и кислород. Она так и говорила, когда соседи и знакомые заводили речь о том, какие бывают чудесные исцеления, как удачно, что кардиологический центр Ярвила расположен поблизости, и как она, вероятно, сходила с ума от беспокойства. «Я твердо знала, что он выздоровеет, – отвечала Ширли, спокойная и безмятежная. – Ни минуты не сомневалась». И вот пожалуйста: он живет-поживает, а Фейрбразер лежит в морге. Значит, судьба такая.

В приподнятом настроении Ширли вспомнила день, последовавший за рождением ее сына Майлза. Тогда она сидела в кровати, точь-в-точь как сейчас, нежилась в лучах проникающего в палату солнечного света, прихлебывала кем-то заваренный для нее чай и ждала, когда принесут кормить ее чудесного новорожденного малыша. Рождение и смерть: они навевали одни и те же мысли о высоком и о ее собственной особой миссии. Известие о внезапной кончине Барри Фейрбразера лежало у нее на коленях, как пухлое новорожденное дитя, на радость всем ее знакомым, а она сама превратилась в источник, родник, потому что стала первой – ну, или почти первой – из тех, кто услышал эту весть.

Пока Говард не вышел из спальни, восторг, что бурлил и пенился внутри у Ширли, ничем себя не обнаруживал. Она обменялась с мужем парой фраз, которые полагается произносить в случае чьей-либо скоропостижной смерти, а потом он пошел в душ. Естественно, эти шаблонные слова и предложения, скользившие туда-сюда, словно костяшки на счетах, не могли обмануть Ширли: она понимала, что Говарда переполняет точно такая же эйфория, но выражать подобные чувства в открытую, пока весть о смерти еще носилась в воздухе, было бы рав-

носились тому, чтобы плясать гольшом и выкрикивать похабщину, а Говард и Ширли всегда носили покров благопристойности, который не сбрасывали ни под каким видом.

И еще одна счастливая мысль пришла ей на ум. Опустив чашку с блюдцем на прикроватный столик, Ширли выскользнула из постели, накинула махровый халат, нацепила очки, прошлепала босиком по коридору и постучала в дверь ванной комнаты.

– Говард?

Ей ответило вопросительное фырканье на фоне ровного постукивания струй.

– Как ты считаешь, не выложить ли это на сайте? Насчет Фейрбразера?

– Неплохо придумано, – выговорил он из-за двери после краткого размышления. – Просто отлично.

Она поспешила в кабинет. Раньше это была самая маленькая спальня в их одноэтажном доме: ее занимала их дочь Патриция, которая давно переехала в Лондон и крайне редко упоминалась в разговорах. Ширли очень гордилась тем, что стала продвинутым пользователем интернета. Десять лет назад она пошла на вечерние курсы и оказалась там одной из самых старших слушательниц, причем единственной неуспевающей. Тем не менее она старалась изо всех сил, твердо решив стать администратором интереснейшего нового сайта Пэгфордского местного совета. Она ввела свой логин и зашла на домашнюю страницу. Краткое сообщение полилось так свободно, как будто пальцы сочиняли его сами.

Советник Барри Фейрбразер

С глубоким прискорбием извещаем о смерти советника Барри Фейрбразера. В этот трудный час мы все мысленно с его близкими.

Она внимательно проверила текст, выбрала «отправить» и убедилась, что сообщение ушло.

Закрыв форум местного совета, она зашла на свой любимый медицинский сайт и ввела в строку поиска слова «мозг» и «смерть».

Когда погибла принцесса Диана, королева приспустила флаг над Букингемским дворцом. Ее величество занимала особое место в духовной жизни Ширли. Повторяя про себя текст отосланного сообщения, она убедилась в правильности своего поступка и от души порадовалась. Учиться нужно на лучших примерах.

Результатов поиска оказалось бесчисленное множество. Ширли проскролила их все, скользая кротким взглядом по экрану то вверх, то вниз; она силилась понять, какому из этих смертельных недугов, подчас труднопроизносимых, обязана своим нынешним счастьем. На добровольных началах Ширли работала в Юго-Западной клинической больнице; она так поднаторела в вопросах медицины, что порой даже ставила диагнозы своим знакомым.

Однако нынче утром ей было не до того, чтобы ломать голову над мудреными терминами и симптомами: она уже продумывала пути дальнейшего распространения этой новости, мысленно намечая и корректируя очередность телефонных звонков. Ей было любопытно, в курсе ли Обри с Джулией и что они скажут; хотелось также угадать, разрешит ли ей Говард сообщить Морин или побережет это удовольствие для себя.

Все это было невероятно увлекательно.

IV

Эндрю Прайс закрыл входную дверь небольшого побеленного дома и поплелся за младшим братом по хрусткой от мороза садовой дорожке, которая шла круто вниз, к обледенелой железной калитке в живой изгороди, а оттуда в переулок. Братья не удостоили взглядом знаковую панораму, раскинувшуюся впереди: городок Пэгфорд лежал, как в чаше, среди трех холмов, один из которых венчали руины аббатства двенадцатого века. У подножья этого холма змеилась тонкая река, убегавшая в город под игрушечным каменным мостиком, прочно стояв-

шим на земле. В мальчишеских глазах это была надоевшая, неумело расписанная декорация; в те редкие дни, когда в доме бывали гости, Эндрю с презрением наблюдал, как отец хвастается этим видом, будто самолично его придумал и соорудил. Эндрю предпочел бы видеть за окнами асфальт, битое стекло и граффити: в последнее время он грезил о Лондоне, о настоящей жизни.

Братья прошагали до конца переулка и помедлили на углу, перед широкой улицей. Пошагивая в живой изгороди, Эндрю вытащил полпачки сигарет «Бенсон энд Хеджес» и слегка отсыревший коробок спичек. Спичечные головки крошились, но он все же сумел закурить, хоть и не с первой попытки. Пара глубоких затяжек – и тишину нарушил рев двигателя школьного автобуса. Страхнув тлеющий пепел, Эндрю аккуратно вернул окурок в пачку.

К Хиллтоп-Хаусу школьный автобус взбирался заполненным на две трети, потому что успевал до этого объехать близлежащие фермы и дома. Братья, как обычно, сели порознь: каждый расположился на двойном сиденье, чтобы смотреть в окно, пока автобус будет кружить и петлять по округе. У подножья холма, на котором они жили, находился дом, задвинутый глубоко в клиновидный сад. Как правило, у калитки поджидали дети Фейрбразеров, все четверо, но сегодня там никого не оказалось. Шторы были задернуты. Эндрю раньше не задумывался, что после смерти родственника полагается сидеть в темноте.

С месяц назад Эндрю заклеил на дискотеке в школьном актовом зале Нив Фейрбразер, одну из двух дочерей-близняшек Барри. Потом не знал, как отделаться. С Фейрбразерами родители Эндрю не общались: у Саймона и Рут друзей, считай, не было, но к Барри, управляющему крошечным местным отделением банка, которое чудом уцелело в Пэгфорде, они, судя по всему, относились с неким подобием симпатии. Его фамилия упоминалась у них дома в связи с решениями местного совета, театральными постановками в ратуше и благотворительными спортивными мероприятиями в пользу церкви. Эндрю совершенно не интересовали такие вещи, да и родители его держались в стороне, разве что изредка вносили какие-то пожертвования или приобретали лотерейный билет.

Когда автобус свернул влево и покатил по Черч-роу, мимо спускающихся уступами викторианских особняков, Эндрю нарисовал себе небольшую сценку, в которой его отец упал замертво, подстреленный невидимым снайпером. Эндрю одной рукой гладил рыдающую мать по спине, а другой набирал номер похоронного бюро. Не вынимая изо рта сигарету, он заказал самый дешевый гроб.

В конце Черч-роу автобус поджидали Джаванды: Ясвант, Сухвиндер и Раджпал. Эндрю предусмотрительно выбрал для себя место позади свободного сиденья, надеясь, что перед ним сядет Сухвиндер (сама-то она была ему неинтересна – его лучший друг Пупс прозвал ее ТНТ, что означало Титьки-На-Тонну), но просто *Она* чаще всего подсаживалась к Сухвиндер. То ли этим утром у него обострился дар внушения, то ли что, но Сухвиндер и в самом деле устроилась перед ним. Эндрю, торжествуя, уставился в слепое, замызганное окно и покрепче прижал к себе рюкзак, чтобы скрыть эрекцию, вызванную сильной тряской.

С каждой кочкой и рытвиной предвкушение нарастало; неповоротливая школьная колымага протискивалась узкими переулками, потом едва не зацепила угол дома, сворачивая на главную площадь, и притормозила на углу *Ее* улицы.

Никогда еще Эндрю так не тянуло к девчонке. Это была новенькая: почему-то ее перевели к ним в конце учебного года. Она носила имя Гайя, которое ей очень подходило, потому что он такого никогда не слышал, – все в ней оказалось в диковинку. Как-то утром она просто вошла в школьный автобус, как будто спустившись с недосягаемых вершин природы, и села через два сиденья от него, а он застыл от совершенства ее плеч и затылка. Ее каштаново-бронзовые волосы струились по спине длинными локонами; носик был идеально прямой, аккуратный, чуть-чуть укороченный, что лишь подчеркивало зазывную сочность бледных губ; широко посаженные карие глаза, опущенные густыми ресницами, пестрели зелеными точками, словно яблоки с коричневатой кожей. Эндрю не замечал, чтобы она красилась, а на ее чистом лице

не было ни прыщика, ни пятнышка. Эти правильные и вместе с тем необыкновенные черты он мог разглядывать часами, пытаясь понять, в чем же кроется их загадка. На прошлой неделе у них был сдвоенный урок биологии; столы и головы расположились так удачно, что Эндрю почти все время мог за ней наблюдать. Вернувшись домой, он уединился у себя в комнате и написал на листке (после получасового изучения стены, которому предшествовал сеанс она-низма): «Красота – это геометрия». Листок он сразу порвал и впоследствии, припоминая эти слова, чувствовал себя полным идиотом, но что-то в них все же было. Такое великолепие могло достигаться лишь тонкой настройкой определенной схемы, а в результате получалось захватывающее дух совершенство.

До появления девочки оставались считанные минуты; если она, по своему обыкновению, подсядет к насупленной, квадратной Сухвиндер, то окажется достаточно близко, чтобы унюхать запах его сигареты. Ему нравилось смотреть, как реагируют на нее неодушевленные предметы: как едва заметно проседает под ее телом автобусное сиденье, а металлический поручень скрывается под золотисто-бронзовой волной локонов.

Как только автобус остановился, Эндрю отвел глаза от двери, как бы углубившись в свои мысли; когда она войдет, можно будет оглядеться с таким видом, словно остановка стала полной неожиданностью, и встретиться глазами; возможно, кивнуть. Он ждал, когда откроется дверь, но урчание двигателя не прерывалось знакомым скрежетом и стуком. Приглядевшись, он увидел лишь короткую, убогую Хоуп-стрит: два ряда приросших друг к другу домишек. Водитель, нагнувшись к двери, убедился, что ученица не явилась. Эндрю хотел просить его подождать, ведь не далее как на прошлой неделе она выскочила из какого-то жалкого домика и помчалась по тротуару (можно было на нее поглазеть вместе со всеми), и ее бег на долгие часы занял его мысли, но водитель уже вывернул огромную баранку, и автобус поехал дальше. Эндрю, с болью в душе и в паху, вернулся к созерцанию замызанного окна.

V

Вплотную стоящие вдоль Хоуп-стрит домишки некогда служили жилищами рабочего люда. В ванной комнате дома номер десять медленно, с излишней тщательностью брился Гэвин Хьюз. У него была такая светлая и вяло растущая щетина, что делать это требовалось всего пару раз в неделю, но холодная и слегка неопрятная ванная была единственным местом уединения. Если протянуть до восьми утра, можно будет с полным основанием сказать, что ему надо спешить на работу. Гэвину очень не хотелось вступать в разговоры с Кей.

Вчера вечером, чтобы только избежать выяснения отношений, он начал самый длительный и изобретательный сексмарафон за всю историю их романа. Кей не пришлось уговаривать – она откликнулась тотчас же и выжала из него все, что могла: то и дело меняла позы, задирала для него свои сильные коротковатые ноги, изгибалась, как известная славянская акробатка, которую она напоминала чуть загорелой кожей и короткой стрижкой. До Гэвина слишком поздно дошло: она узрела в этих нехарактерных для него поползновениях молчаливое признание всего того, что он решительно не хотел ей говорить. Целовалась она жадно; раньше, в начале их романа, эти мокрые поцелуи взасос казались ему эротичными, но теперь вызывали чуть ли не омерзение. Подавленный таким натиском, который сам же спровоцировал, Гэвин долго шел к оргазму, опасаясь, что эрекция вот-вот пропадет. Даже это обернулось против него: Кей, судя по всему, сочла такую необычную выдержку демонстрацией виртуозности в постели.

Когда наконец все кончилось, она в темноте прильнула к нему и некоторое время гладила по голове. Гэвин в унынии смотрел в пустоту, понимая, что непреднамеренно укрепил их связь, а это вовсе не входило в его расплывчатые планы. Кей уснула, придавив ему руку; простыня сырыми пятнами неприятно липла к бедру; он лежал на бугристом от старости пружинном

матрасе и жалел, что не способен поступить как подонок: тихонько выскользнуть и никогда больше не возвращаться.

В ванной комнате пахло плесенью и влажными губками. К борту сидячей ванны прилипло несколько волосков. Стены облупились.

– Тут нужно поработать, – сказала как-то Кей.

Гэвин предусмотрительно не вызвался помочь. Те вещи, которых он ей не говорил, служили ему талисманами и гарантиями; он нанизывал и перебирал их в уме, как четки. Никогда не употреблял слово «люблю». Никогда не заводил речь о женитьбе. Не просил ее переезжать в Пэгфорд. Тем не менее она оказалась здесь, и якобы по его вине.

Из потемневшего от времени зеркала на него уставилась собственная личность. Под глазами темнели круги, а жидкие и сухие светлые волосы торчали клочьями. Голая лампочка с жестокостью фоторобота обрисовывала слабовольную козлиную физиономию.

«Тридцать четыре, – подумал он, – а выгляжу на все сорок».

Он занес бритву и приготовился осторожно срезать две толстые светлые волосины, которые упрямо росли по обеим сторонам выступающего кадыка.

В дверь забарабанили кулаками. Рука у него дрогнула, и с тонкой шеи на свежую белую рубашку закапала кровь.

– Твой бойфренд, кажется, уснул в ванной, – вскричал раздраженный девичий голос, – а я уже опаздываю!

– Я закончил! – гаркнул он в ответ.

Порез саднило; ну и что? Зато появился удобный предлог: *Посмотри, что случилось из-за твоей дочери. Теперь мне придется перед работой мчаться домой, чтобы сменить рубашку.* Почти что с легким сердцем он схватил галстук и пиджак, висевшие на вбитом в дверь крючке, и открыл задвижку.

Гайя шмыгнула мимо него в ванную и, хлопнув дверью, заперлась. Стоя на тесной лестничной площадке, где воняло жженой резиной, Гэвин вспомнил, как этой ночью грохотало о стену изголовье, как скрипела дешевая сосновая кровать, как стонала и вскрикивала Кей. Порой совершенно вылетало из головы, что в доме находится ее дочь.

Он трусцой сбегал вниз по голым дощатым ступенькам. Кей говорила, что собирается их отциклевать и покрыть лаком, но он сомневался, что у нее дойдут руки: лондонская квартира Кей тоже была неуютной и запущенной. Вообще говоря, он подозревал, что она рассчитывает вскоре переехать к нему, да только напрасно: дом – это последний оплот; здесь, в случае чего, он будет стоять насмерть.

– Что ты с собой сделал? – взвизгнула Кей, заметив у него на рубашке кровь.

На ней было дешевое алое кимоно, которое ему не нравилось, но ей очень шло.

– Гайя забарабанила в дверь так, что у меня рука дернулась. Сейчас поеду домой переодеваться.

– Ой, а я тебе завтрак приготовила! – поспешно сообщила Кей.

Гэвин понял, что на лестнице пахло не жженой резиной, а яичницей. Сухой, пережаренной.

– Не могу, Кей, я должен сменить рубашку. У меня прямо с утра...

Она уже раскладывала плотную массу по тарелкам.

– Пять минут ничего не решают, неужели нельзя...

В кармане его пиджака громко пискнул мобильник, и Гэвин решил, если получится, изобразить, что это срочный вызов.

– Господи! – произнес он в неподдельном ужасе.

– Что такое?

– Барри. Барри Фейрбразер! Он... черт... он умер! Это от Майлза. Дьявольщина!

Кей опустила деревянную лопаточку.

– Кто такой Барри Фейрбразер?

– Мы с ним играем в сквош. Ему всего-то сорок четыре! Господи!

Гэвин перечитал сообщение. Кей в замешательстве наблюдала за ним. Она знала, что Майлз и Гэвин – совладельцы юридической фирмы, но Гэвин не считал нужным познакомить ее с Майлзом. А имя Барри и вовсе было для нее пустым звуком.

С лестницы послышался оглушительный топот: это Гайя спускалась по ступеням.

– Яичница, – определила она с порога. – Кто бы сомневался. Вот спасибо-то. А по *его* милости, – ядовито бросила она в затылок Гэвину, – я, кажется, пропустила этот чертов автобус.

– Ты бы еще подольше прихорашивалась, – крикнула Кей вслед удаляющейся дочери, которая не соизволила ответить, пронеслась по коридору, задевая рюкзаком стены, и хлопнула входной дверью.

– Кей, я должен идти, – сказал Гэвин.

– Послушай, у меня все готово, это минутное дело...

– Мне нужно сменить рубашку. Вот зараза, я ведь помогал Барри составить завещание. Надо срочно проверить. Нет, извини, я пошел. Просто не укладывается в голове, – добавил он, перечитывая сообщение Майлза. – Поверить не могу. Мы еще в четверг играли в сквош. Прямо не могу... о господи!

Умер человек. Что она сейчас ни скажи, все было бы некстати. Гэвин торопливо поцеловал ее в неподвижные губы и вышел в узкий темный коридор.

– Мы с тобой увидимся?..

– Я позвоню! – крикнул он ей, как будто не расслышал вопроса.

Гэвин быстро перешел через дорогу к своей машине, глотая свежий, хрусткий воздух и унося с собой – как пузырек с горючей жидкостью, которую нельзя взбалтывать, – факт смерти Барри. Поворачивая ключ зажигания, он представлял, как плачут, лежа ничком на двухъярусной кровати, дочери-близнецы Барри. Когда он в последний раз обедал у Фейрбразеров и проходил по коридору мимо открытой двери их комнаты, девочки лежали именно так – каждая на своем ярусе, со своей игровой приставкой «Нинтендо».

Фейрбразеры были самой преданной из всех известных ему супружеских пар. Больше ему не обедать у них в доме. Гэвин не раз говорил Барри, как тому повезло. Не очень, оказывается, повезло.

По тротуару кто-то шел в его сторону. Он запаниковал, опасаясь, что это возвращается Гайя, чтобы наорать на него или потребовать подвезти, слишком резко дал задний ход и ударил стоящий сзади автомобиль Кей – старенький «вокхолл-корса». Пешеход поравнялся с окном его машины, и оказалось, что это чахлая, прихрамывающая старуха в домашних тапках. Гэвин, вспотев от усилия, до предела вывернул руль и съехал на мостовую. Разгоняясь, он взглянул в заднее окно и увидел, что Гайя действительно вернулась и входит в дом.

Гэвину не хватало воздуха. В груди стоял тяжелый ком. Только теперь он осознал, что Барри Фейрбразер был его лучшим другом.

VI

Школьный автобус добрался до предместья Филдс, занимавшего обширную территорию вблизи Ярвила. Неопрятные серые дома, стены, испещренные инициалами и непристойностями, кое-где заколоченные досками окна, спутниковые антенны, буйная трава... ничто не привлекало внимания Эндрю, разве что руины Пэгфордского аббатства, сверкающие в морозной дымке. Когда-то это предместье завораживало и пугало Эндрю, но после долгого знакомства все здесь казалось ему заурядным.

Тротуары кишели детьми и подростками, идущими в школу; многие, невзирая на холод, были в футболках. Эндрю заметил Кристал Уидон – ходячий анекдот и притчу во языцех. Громко смеясь, она шла вприпрыжку в центре разношерстной группы подростков. В ушах у нее гроздьями висели сережки, а над приспущенными спортивными штанами виднелась резинка трусиков танга. Эндрю знал ее с первого класса; она фигурировала в самых колоритных эпизодах его детства. Вначале ее дразнили, но пятилетняя Кристал, в отличие от большинства девочек, не думала обижаться; наоборот, она захихикала и начала скандировать вместе с другими: «Крыса-Писа! Крыса-Писа!» А потом перед всем классом спустила трусики, показав им Крысу-Пису целиком. У него сохранились яркие воспоминания о голой розовой промежности; это было диво почище Санта-Клауса, и еще Эндрю запомнил, как побагровевшая мисс Оутс выводила Кристал из класса.

К двенадцатилетнему возрасту, когда они перешли в среднюю школу, Кристал стала самой грудастой из всех девочек их параллели и часто задерживалась в торце класса, куда полагалось относить листок с выполненным заданием по математике и брать следующий. С чего это началось, Эндрю (который справлялся с задачками в числе последних) не имел понятия, но, подойдя однажды к тумбочкам, на которых стояли пластиковые поддоны с аккуратно разложенными заданиями, он увидел, как Роб Колдер и Марк Ричардс по очереди шупают и тискают груди Кристал. Остальные мальчишки почти все возбужденно взирали на эту сцену, закрывшись от учителя вертикально поставленными учебниками, а девочки, которых бросало в краску, притворялись, будто ничего не видят. Эндрю понял, что очередь половины ребят уже прошла и теперь он может получить свое. Ему и хотелось, и одновременно не хотелось этого. Страшили не столько ее груди, сколько дерзкое, вызывающее выражение лица, и еще он боялся сделать что-нибудь не так. Когда равнодушный и никчемный мистер Симмондс наконец поднял голову и сказал: «Кристал, что ты там возишься? Бери задание и садись на место», – Эндрю испытал почти полное облегчение.

Хотя их давно распределили по разным наборам дисциплин, формально они с ней все еще числились в одном классе, поэтому Эндрю знал, что Кристал иногда присутствует, часто отсутствует и постоянно впутывается в какие-нибудь истории. Она не знала страха, подобно тем парням, что приходили в школу с самодельными татуировками и разбитыми губами, курили и рассказывали о стычках с полицейскими, о наркотиках и о доступном сексе.

Средняя школа «Уинтердаун» находилась на окраине Ярвила; это было большое, уродливое трехэтажное здание, внешняя оболочка которого состояла из окон и окрашенных в бирюзовый цвет панелей. Когда двери автобуса со скрипом отворились, Эндрю присоединился к толпе школьников в черных блейзерах и свитерах, движущейся через парковку по направлению к двум входам в школу. Еще немного – и его бы затянула образовавшаяся в дверях пробка, но Эндрю успел заметить подъезжающий «ниссан-микра» и отделился от общей массы, чтобы подождать своего лучшего друга.

Пузан, Толстун, Жирдяй, Пупс, Уолли, Уолла, Буруз, Толстик – все это был Стюарт Уолл, занимавший первое место в школе по числу прозвищ. Его отличали прыгающая походка, худоба, узкое землистое лицо, большие уши и вечно недовольный вид, но поистине уникальными его качествами были язвительность, отстраненность и невозмутимость. Каким-то образом он сумел отрешиться от всего, что могло бы сформировать у него менее стойкий характер, и совершенно не комплексовал в связи с тем, что его отец – не имеющий никакого авторитета заместитель директора школы, вечный объект насмешек, а толстая замухрышка-мать – школьный воспитатель-психолог. Он был неподражаем – Пупс, знаменитость и достопримечательность школы; даже гопники из Филдса хохотали над его приколами и, опасаясь его холодного и острого как бритва языка, почти никогда не высмеивали Пупса за неудачное происхождение.

Хладнокровие не покидало Пупса и этим утром, когда ему на виду у всех не сопровождаемых родителями одноклассников пришлось выбираться из «ниссана» вместе не только с мате-

рю, но и с отцом, который обычно приезжал отдельно. Эндрю еще пребывал в задумчивости по поводу Кристал и ее трусиков, когда к нему вприпрыжку направился его друг.

– Все путем, Арф? – окликнул Пупс.

– Пупс!

Они вместе влились в толпу, задевая малышню по головам переброшенными через одно плечо рюкзаками, отчего за каждым из двоих в потоке образовалось свободное пространство.

– Кабби так плачет, так плачет, – сказал Пупс.

– А что такое?

– Барри Фейрбразер вчера вечером упал и умер.

– Да, слышал, – ответил Эндрю.

Пупс с ироническим удивлением покосился на Эндрю, как делал, когда люди выпендривались, стараясь казаться более осведомленными и более значительными, чем на самом деле.

– Его в мамино дежурство привезли. – Эндрю возмутился от этого взгляда. – Забыл, что ли? У меня мать в больнице работает.

– Конечно-конечно, – спохватился Пупс. – Ты же знаешь, они с Кабби были сладкая парочка. И Кабби собирается сделать объявление на общем собрании. Это плохо, Арф.

Они расстались на верхней площадке лестницы и пошли отмечаться. Одноклассники Эндрю в основном были уже на месте: они сидели на партах, болтая ногами, или подпирали стоящие вдоль стены шкафы. Сумки лежали под партами.

По понедельникам утренняя болтовня была громче и свободнее, чем в другие дни, так как общее собрание предполагало выход на свежий воздух и перемещение в спортивный зал. Дежурная учительница отмечала ребят по мере их появления. Она не делала положенную переключку; это было одной из многих мелких уловок, рассчитанных на то, чтобы втереться к ним в доверие, и в классе ее за это презирали.

Когда задрезжал звонок на общее собрание, появилась Кристал.

– Я здесь, мисс! – прокричала она с порога и тут же рванула назад.

Все с гомоном устремились за ней. Эндрю и Пупс воссоединились на лестничной площадке, и мощный поток понес их вниз, к дверям черного хода и дальше, через широкий серый бетонированный двор.

В спортивном зале пахло потом и кроссовками; гвалт тысячи двухсот горластых подростков эхом отлетал от унылых побеленных стен. Грубое ковровое покрытие промышленного серого цвета, пестревшее многочисленными пятнами и цветной разметкой для тенниса, бадминтона, футбола и хоккея, запросто раздирало в кровь голые колени, но во время общего сбора ощущалось задницей куда комфортнее, чем бетонный пол. Правда, Эндрю и Пупс восседали на стульях с трубчатыми ножками и пластмассовыми спинками: это были места вдоль стены для учеников двух старших классов, пятого и шестого.

В передней части зала находилась выдавшая виды деревянная кафедра, рядом с которой сидела директриса, миссис Шоукросс. Отец Пупса, Колин Уолл по прозвищу Кабби, вошел в зал и сел рядом. Этот высоченный лысеющий человек двигался так, будто напрашивался на пародию: неподвижные руки прижимались к бокам, а туловище подпрыгивало намного энергичнее, чем требовалось для ходьбы. У него был известный пунктик: поддержание идеального порядка в ячейках, закрепленных на стене возле его кабинета. В некоторых стояли заполненные журналы посещаемости, а остальные служили разным другим школьным целям. «Как бы это не выпало из ячейки; поправь, Кевин, а то свисает!»; «Боюсь, как бы ты не перепутала ячейки, Эйlsa!»; «Девочка, не наступай на этот листок, как бы он незатерялся, дай-ка сюда, для него есть специальная ячейка!»

Все учителя называли эти ячейки секциями. Причем только для того, по мнению большинства, чтобы отмежеваться от Кабби и «как бы».

– Сдвиньтесь, сдвиньтесь, – приказал мистер Мичер, учитель труда, Пупсу и Эндрю, которые сели через один стул от Кевина Купера.

Кабби встал за кафедрой. Будь на его месте директриса, ребята уgomонились бы тут же. Как только умолк последний горлан, дверь в середине правой стены распахнулась и вошла Гайя.

Она обвела взглядом зал (Эндрю позволил себе не прятать глаза, потому что на нее уставилась добрая половина собравшихся; Гайя пришла позже всех, такая незнакомая, такая прекрасная, – что там выступление Кабби) и стала быстро, не суетливо (талантом самообладания она не уступала Пупсу) пробираться за спинами одноклассников. Эндрю не решился вертеть головой, но его как ударило: рядом с ним до сих пор оставался свободный стул.

Ее легкие, быстрые шаги приближались; вот она уже здесь; вот она села рядом. Слегка задев его стул, она задела и бок Эндрю. Ноздри его уловили аромат духов. Вся левая половина туловища горела от ее соседства, и он порадовался, что у него на левой щеке (на той, что ближе к ней) почти нет прыщей. Никогда еще он не находился от нее так близко и теперь не знал, решится ли на нее посмотреть, дать знак, что отметил ее присутствие; впрочем, он тут же сказал себе, что слишком долго думал и уже не сумеет сделать это естественно.

Почесывая левый висок, чтобы загородить лицо, он опустил взгляд на ее руки, сцепленные замочком на коленях. Ногти короткие, аккуратные, без лака. На мизинце простое серебряное колечко.

Пупс незаметно уперся локтем в бок Эндрю.

– Наконец, – сказал Кабби, и Эндрю сообразил, что это слово прозвучало уже дважды, что спокойствие в зале сменилось напряженным молчанием, всякое шевеление прекратилось, а воздух закружился любопытством, злорадством и тревогой. – Наконец, – повторил Кабби; голос его дрогнул и сорвался, – я должен сделать очень... я должен сделать очень печальное сообщение. Мистер Барри Фейрбразер, который за два года столь поспешно уготовил... столь успешно подготовил гребную команду девочек нашей школы... – всхлипнув, он провел ладонью по глазам, – умер...

Кабби Уолл плакал у всех на виду; его шишковатая, почти лысая голова свесилась на грудь. По рядам прокатились смешки и охи; многие стали оборачиваться на Пупса, который сохранял благородно-спокойный вид, немного озадаченный, но абсолютно невозмутимый.

– ...Умер... – всхлипнул Кабби.

Директриса в раздражении поднялась со стула.

– ...Умер... вчера вечером.

Откуда-то из середины составленных рядами стульев долетел пронзительный клекот.

– Кто смеялся? – вскричал Кабби; воздух потрескивал от напряженного предвкушения. – КАК ВЫ СМЕЕТЕ? Кто из девочек смеялся, кто?

Мистер Мичер, вскочив с места, делал яростные знаки кому-то из сидящих в середине ряда, за спинами Эндрю и Пупса; стул Эндрю опять шевельнулся, потому что Гайя, извернувшись, оглядывала, как и все, задний ряд. У Эндрю обострились все чувства; гибкое тело Гайи оказалось прямо перед ним. Повернись он в противоположную сторону, в него бы уперлась ее грудь.

– Кто смеялся?! – вопрошал Кабби, неуклюже привставая на цыпочки, как будто надеялся кого-то высмотреть.

Мистер Мичер, лихорадочно жестикулируя, одними губами кричал что-то предполагаемой виновнице.

– Кто это был, мистер Мичер? – взвился Кабби.

Мичер не хотел никого закладывать; он пока не убедил виновную сторону объявиться, но, когда Кабби стал обнаруживать опасные признаки спуска с трибуны для проведения личного расследования, Кристал Уидон, красная как рак, вскочила и начала протискиваться мимо чужих коленей.

– После собрания – немедленно ко мне в кабинет! – заорал Кабби. – Какой позор... какое неуважение! Вон с глаз моих!

Но Кристал остановилась, не дойдя до конца ряда, ткнула вверх средним пальцем и завизжала:

– Что я такого сделала? Урод!

Зал взорвался оживленным гвалтом и хохотом; педагоги безуспешно пытались навести порядок; дежурные учителя-регистраторы повскакали с мест и призывали свои классы к тишине.

Створки двери захлопнулись за Кристал и мистером Мичером.

– Всем сидеть! – гаркнула директриса, и в зале вновь установилась взрывоопасная тишина, кое-где нарушаемая ерзаньем и шепотками.

Пупс смотрел прямо перед собой; его равнодушие впервые сделалось слегка натянутым, а бледное лицо едва заметно потемнело.

Эндрю почувствовал, как Гайя откинулась на спинку стула. Собравшись с духом, он покосился влево и усмехнулся. Она с готовностью улыбнулась ему в ответ.

VII

Пэгфордская кулинария открывалась в половине десятого, но Говард Моллисон приходил заблаговременно. Это был невообразимо тучный мужчина шестидесяти четырех лет. Живот огромным фартуком свисал ему на бедра, причем так низко, что многие первым делом начинали думать про его пенис: когда этот человек в последний раз его видел, как умудряется содержать его в чистоте, как управляется с теми делами, для которых предназначен данный орган. Отчасти потому, что его телосложение наводило на такие мысли, отчасти потому, что Говард был весельчаком, он в равной мере и обескураживал и обезоруживал, вследствие чего люди, впервые заглянувшие к нему в магазин, покупали больше, чем собирались. За прилавком он без умолку балагурил, одной толстопалой рукой управляясь с ломтерезкой, а другой придерживая аккуратно подложенный целлофан, на который падали тончайшие листочки ветчины; круглые голубые глаза всегда готовы были подмигнуть, а подбородки колыхались от непринужденного смеха.

Говард придумал для себя такую униформу: белая рубашка без пиджака, жесткий передник из темно-зеленой парусины, вельветовые штаны и войлочная охотничья шляпа с прикрепленными к ней рыболовными мушками. Если шляпа некогда и была посмешищем, то это время давно прошло. По утрам он без тени юмора, с предельной точностью водружал ее на густые поседевшие завитки, стоя перед маленьким зеркалом в тесном туалете за подсобкой.

Изо дня в день он с воодушевлением готовился к открытию. Ему нравилось расхаживать по торговому залу рано утром, когда тишина нарушалась только ровным урчаньем холодильных камер; он обожал вдыхать в магазин жизнь: щелчком включать светильники, поднимать шторы, снимать колпаки и открывать взору сокровища холодного прилавка – бледные серовато-зеленые артишоки, черные ониксы маслин, вяленые томаты, похожие на рубиновых морских коньков, плавающих в масле с крапинками трав.

Правда, сегодня утром радость омрачалась нетерпением. Морин, совладелица магазина, опаздывала, и Говард, как на рассвете Майлз, опасался, что кто-нибудь в обход его выложит ей сенсационную новость, а мобильным телефоном она не пользовалась.

Он остановился у недавно прорубленного арочного проема между кулинарией и бывшей обувной лавкой, прикупленной под кафе (самое новое в Пэгфорде), и проверил, надежно ли закреплен прозрачный строительный пластик, защищающий от пыли торговый зал. Кафе они планировали открыть к Пасхе, чтобы привлечь в Юго-Западные графства туристов, ради кото-

рых Говард ежегодно выставлял на витрину местный сидр, сыры и традиционные соломенные фигурки.

Сзади звякнул колокольчик; Говард обернулся, и его подлатанное, упроченное сердце на радостях заколотилось сильнее.

Морин, хрупкая сутулая дама шестидесяти двух лет, была вдовой первоначального делового партнера Говарда. Из-за сутулости она выглядела старше своего возраста, хотя всячески молодилась: красила волосы в иссиня-черный цвет, носила броские наряды и ковыляла на несурово высоких каблуках; правда, в магазине переобувалась в ортопедические босоножки.

– Доброе утро, Мо, – поприветствовал ее Говард. Он твердо решил не комкать свое сообщение, но покупатели были уже на подходе, да к тому же его распирало от волнения. – Новость слышала?

Морин вопросительно нахмурилась.

– Барри Фейрбразер умер.

У нее отвисла челюсть.

– Не может быть! Как это случилось?

Говард постучал себя по виску:

– Что-то лопнуло. Вот тут. Майлз все видел своими глазами. На стоянке у гольф-клуба.

– Не может быть! – повторила она.

– Умер окончательно и бесповоротно, – сказал Говард, как будто у смерти были разные степени, из которых Барри Фейрбразер выбрал самую безнадежную.

Морин перекрестилась, безвольно раскрыв ярко накрашенный рот. Ее католическая вера придавала таким сценкам особую пикантность.

– Неужели Майлз находился рядом? – проскрипела она.

В ее низком голосе бывшей курильщицы он уловил жадность к мельчайшим подробностям.

– Сделай одолжение, поставь чайник, Мо.

По крайней мере, он мог ее помучить еще пару минут. Торопясь обратно, Морин ошпарила ладонь. Они устроились бок о бок за прилавком, на высоких деревянных табуретах, приобретенных Говардом на случай торгового затишья, и Морин приложила к ожогу лед, который наскребла вокруг маслин. Беседуя, они перебирали стандартные для такого случая темы: вдова («тяжко ей придется, она ведь жила ради Барри»), дети («четверых поднять, без отца»), относительная молодость покойного («он же не старше Майлза, да?»), но в конце концов достигли истинной точки отсчета, рядом с которой все остальное выглядело не более чем сотрясанием воздуха.

– И что теперь будет? – допытывалась Морин.

– Н-да, – протянул Говард. – В самом деле. Тут такая закавыка. У нас образовалась случайная вакансия, Мо, и теперь многое поставлено на карту.

– У нас... что? – переспросила Мо, боясь упустить главное.

– Случайная вакансия, – повторил Говард. – Так называется положение, при котором в местном самоуправлении образуется вакантное место вследствие смерти советника. Это юридический термин, – назидательно добавил он.

Говард был председателем местного совета, Первым гражданином Пэгфорда. К этому званию прилагалась официальная регалия: позолоченная, украшенная эмалью цепь, хранившаяся теперь у него дома, в маленьком сейфе, который они с Ширли замаскировали на дне встроенного шкафа. Если бы население Пэгфордского прихода достигло восьмидесяти тысяч, Говард получил бы право именоваться мэром, но по большому счету статус его таким и был. Ширли недвусмысленно об этом заявила на домашней странице сайта местного совета, где под фотографией цветущего, сияющего Говарда, надевшего цепь Первого гражданина, было сказано, что он готов откликнуться на приглашения участвовать в общественных и деловых

мероприятиях. Кстати, совсем недавно его как раз пригласили в местную начальную школу для вручения грамот отличившимся велосипедистам.

Отпив чаю, Говард улыбнулся, чтобы подсластить пилюлю, а потом сказал:

– Не будем забывать, Мо: человечешко был мерзопакостный. Просто мерзопакостный.

– Да знаю я, – сказала она. – Знаю.

– Если бы он не умер, пришлось бы с ним разбираться. Спроси у Ширли. От него можно было ждать любой подлянки.

– Я знаю.

– Ладно, посмотрим еще что да как. Поживем – увидим. Как веревочке ни виться... Заметь, я не жаждал такой победы, – добавил он с глубоким вздохом, – но для Пэгфорда, для общества... оно и неплохо... – Говард посмотрел на часы. – Почти половина, Мо.

Они всегда открывались минута в минуту и никогда не позволяли себе закрыться раньше времени, свято, как в храме, соблюдая все ритуалы и предписания.

Морин шатко заковыляла к окну. Штора судорожно дергалась кверху, малыми приращениями открывая главную площадь, живописную и ухоженную благодаря – в значительной степени – совместным усилиям тех собственников, чья недвижимость выходила на нее окнами. В наружных ящиках, подвесных кашпо, вазонах разрослись цветы: их высаживали ежегодно, с соблюдением условленной цветовой гаммы. На другой стороне, как раз напротив кулинарии «Моллисон энд Лоу», виднелся паб «Черная пушка» (один из старейших в Англии).

Говард выносил из подсобного помещения и аккуратно расставлял под стеклом длинные прямоугольные подносы свежих паштетов, украшенных яркими, как драгоценности, ломтиками лимона и ягодами. Слегка отдуваясь от этой работы, наложившейся на утреннюю беседу, он выровнял последний поднос и остановился у окна, глядя на военный мемориал в центре площади.

Пэгфорд в то утро был особенно хорош, и Говард возликовал от мыслей о себе и о своем месте в этом городке, для которого он, по собственному убеждению, стал пульсирующим сердцем. Он и впредь будет видеть перед собой эти блестящие черные скамейки, красные и лиловые цветы, позолоченный утренним солнцем каменный крест; а Барри Фейрбразер этого больше не увидит. Трудно было не усмотреть высший промысел в этой внезапной смене диспозиции на поле боя, где, по его мнению, их с Барри противостояние чересчур затянулось.

– Говард, – резко окликнула Морин. – Говард!

Через площадь энергичной походкой, хмуро глядя себе под ноги, шла женщина: худая, черноволосая, смуглая, в сапогах и просторном пальто.

– Как ты считаешь, она... она в курсе? – прошептала Морин.

– Не знаю, – сказал Говард.

Морин, которая так и не успела переобуться в ортопедические босоножки, едва не подвернула ногу, отпрянув от окна, и поспешила за прилавок. Говард с неторопливым достоинством занял место у кассового аппарата, словно канонир у орудия.

Над дверью звякнул колокольчик, и доктор Парминдер Джаванда все с тем же хмурым видом вошла к ним в магазин. Не обращая внимания на Говарда и Морин, она сразу направилась к полке с растительным маслом. Морин, замерев и не мигая, следила за ней, как хищная птица за полевой мышью.

– Доброе утро, – сказал Говард, когда она подошла расплатиться.

– Доброе.

Как на заседаниях, так и за пределами помещения, отведенного местному совету в стенах церкви, доктор Джаванда редко смотрела Говарду в лицо. Его всегда потешало это неумение скрывать свою неприязнь; он на глазах оживлялся, становился предупредительным и необычайно куртуазным.

– Сегодня приема нет?

– Нет, – отрезала Парминдер, роясь в сумочке.

Тут Морин не утерпела.

– Ужасная весть, – выговорила она своим хриплым, скрипучим голосом. – Барри Фейр-бразер.

– Ммм, – протянула Парминдер, но спохватилась. – А что с ним?

Прожив в Пэгфорде шестнадцать лет, Парминдер так и не избавилась от бирмингемского говора. Резкая вертикальная морщина между бровями придавала ей вечно напряженный вид – иногда сердитый, иногда сосредоточенный.

– Умер, – выпалила Морин, жадно вглядываясь в ее хмурое лицо. – Вчера вечером. Я сама только что от Говарда узнала.

Парминдер застыла, не вынимая руку из сумочки. Затем ее взгляд скользнул в сторону Говарда.

– Упал замертво на стоянке у гольф-клуба, – подтвердил Говард. – Майлз там был, все видел.

Проходила секунда за секундой.

– Это шутка? – требовательно спросила Парминдер; в ее тоне зазвучала взвинченность.

– Какие могут быть шутки? – Морин упивалась своим возмущением. – Такими вещами не шутят.

С грохотом опустив на стеклянный прилавок бутылку растительного масла, Парминдер ушла.

– Нет, надо же! – подхлестывала себя Морин. – «Это шутка?» Какая прелесть!

– У нее шок, – рассудил Говард, глядя, как Парминдер в развевающемся пальто спешит через площадь. – Горевать будет почище вдовы. Помяни мое слово, самое интересное еще впереди, – добавил он, лениво почесывая складку живота, которая время от времени донимала его зудом. – Поглядим, что у нее...

Он не договорил, но это не имело значения: Морин прекрасно понимала, к чему клонит Говард. Провожая глазами доктора Джаванду, пока та не скрылась за углом, оба думали об одном и том же – о случайной вакансии, но видели в ней не свободное место, а волшебную шкатулку, сулившую массу возможностей.

VIII

Бывший дом викария, Олд-Викеридж, был последним и самым шикарным особняком на Черч-роу. Окруженный большим участком, он стоял у самого подножья холма, фасадом к церкви Архангела Михаила и Всех Святых.

На подходе к дому Парминдер перешла на бег; у двери пришлось повозиться с тугим замком. Она не могла поверить, пока не услышала эту весть от кого-нибудь еще, от кого угодно, а в кухне уже зловеще трезвонил телефон.

– Да?

– Это Викрам.

Муж Парминдер был кардиохирургом в Юго-Западной клинической больнице Ярвила и не имел привычки звонить с работы. Парминдер до боли сжала пальцами телефонную трубку.

– Случайно услышал. Вероятно, это аневризма. Попросил Хью Джеффриса ускорить вскрытие. Мэри будет легче, если она узнает, что это было. Возможно, они уже сейчас им занимаются.

– Понятно, – прошептала Парминдер.

– Сюда приезжала Тесса Уолл, – сообщил он. – Позвони Тессе.

– Да, – сказала Парминдер, – хорошо.

Однако, повесив трубку, она опустилась на кухонный стул, невидящими глазами уставилась в окно, на задний двор, и прижала пальцы к губам.

Все рухнуло. И неважно, что все осталось на месте: стены, стулья, фотографии детей. Каждый атом взорвался изнутри и тотчас же перестроился; видимость постоянства и надежности вызывала теперь лишь насмешку: тронь – и все развалится, тонкое и непрочное, как бумага.

Мысли вышли из-под ее власти; они тоже рассыпались, и на поверхность всплыли, чтобы тут же скрыться из виду, случайные обрывки воспоминаний: танец с Барри на встрече Нового года у Тессы с Колином; нелепый разговор по дороге с заседания совета.

«У вас дом бычком», – сказала она ему.

«Дом бычком? Это как?»

«Сзади шире, чем спереди. Это к счастью. Но выходит на Т-образный перекресток. Это к несчастью».

«Значит, в плане счастья у нас ни то ни се», – сказал Барри.

Наверное, у него уже тогда опасно набухла артерия, но они с ним этого не знали. Парминдер слепо перебралась из кухни в темноватую гостиную, где в любую погоду царил полумрак, потому что свет загораживала самая обыкновенная сосна. Парминдер ненавидела эту сосну, но они с Викрамом знали, что соседи поднимут шум, если ее спилить.

Парминдер не находила себе места. По коридору, в кухню, к телефону, позвонить Тессе Уолл; но та не брала трубку. Видимо, на работе. Парминдер в ознобе присела на тот же кухонный стул.

Ее скорбь была сильна и неукротима, как злая сила, вырвавшаяся из подвала. Барри, коротышка-бородач Барри, друг, союзник.

Точно так же умер ее отец. Ей было тогда пятнадцать; они вернулись из города, а он лежал ничком на газоне, рядом с косилкой; солнце обжигало его затылок. Внезапная смерть была противна природе Парминдер. Длительное угасание, которое многих страшит, виделось ей утешительной перспективой: все можно уладить и привести в порядок, со всеми проститься...

Ладони ее по-прежнему накрывали рот. С плаката, прикнопленного к пробковой доске, на нее строго и ласково смотрел гуру Нанак³.

(Викрам сразу невзлюбил этот плакат.

– Что он здесь делает?

– Мне нравится, – с вызовом ответила она.)

Барри мертв.

Она подавила в себе сильнейшее желание дать волю слезам; мать всегда корила ее за бесчувственность, особенно после смерти отца, когда другие ее дочери вместе с тетками и двоюродными сестрами причитали в голос и били себя в грудь. «А ведь ты была его любимицей!» Но Парминдер запирала невыплаканные слезы глубоко внутри, где они перерождались, будто по воле алхимика, чтобы вернуться в этот мир лавой ярости, которая время от времени обрушивалась на ее детей и на дежурных медрегистраторов.

Сейчас у нее перед глазами так и маячили Говард и Морин за прилавком своего магазинчика: один – необъятный, другая – костлявая; они взирали на нее с высоты своей осведомленности, когда сообщали о смерти ее друга. В почти желанном приливе ярости и ненависти она подумала: «А ведь они рады. Думают, что теперь возьмут верх». Парминдер снова вскочила, стремительно перешла в гостиную и взяла с полки свою новую священную книгу, «Саинчис». Открыв ее наугад, она прочла без малейшего удивления, как будто увидела в зеркале свое опустошенное лицо: «О разум, мир есть глубокая, темная пропасть. Со всех сторон Смерть забрасывает свою сеть».

³ Гуру Нанак Дэв (1469–1539) – основатель религии сикхизма, возникшей в Пенджабе в конце XV в.

IX

Дверь в кабинет воспитательной работы в общеобразовательной школе «Уинтердаун» вела из школьной библиотеки. В этой комнатухе даже не было окон: освещалась она единственной лампой дневного света.

Тесса Уолл, главный педагог-психолог и жена заместителя директора школы, зашла туда в половине одиннадцатого, изнемогая от усталости, с чашкой крепкого растворимого кофе, которую принесла с собой из учительской. Эта невысокая, полная, некрасивая женщина сама стригла себе волосы (седеющая короткая челка нередко получалась кривой), носила одежду кустарного типа из домотканой материи и предпочитала украшения из бисера и деревянных бусин. Сегодня на ней была длинная юбка, будто сшитая из дерюги, а сверху – толстый мешковатый кардиган горохово-зеленого цвета. Она почти никогда не смотрелась в большие зеркала и бойкотировала магазины с зеркальными стенами.

Чтобы ее кабинет не слишком напоминал тюремную камеру, Тесса повесила там непальскую картинку, которая сохранилась у нее со студенческих лет: радужный листок с ярко-желтым солнцем и луной, от которых исходили стилизованные волнообразные лучи. Все остальные голые крашенные поверхности занимали разнообразные плакаты, которые либо давали полезные советы, как поднять самооценку, либо приводили телефонные номера, по которым можно анонимно получить помощь по целому ряду вопросов физического и эмоционального здоровья. Когда в прошлый раз сюда зашла директриса, она не удержалась от саркастического замечания.

– А если и это не поможет, пусть звонят на Детскую линию, – сказала она, указывая на самый заметный из плакатов.

С глубоким стоном Тесса погрузилась в кресло, сняла часы, которые сдавливали ей руку, и положила их на свой рабочий стол рядом с распечатками и записями. Она сомневалась, что события сегодня будут развиваться по намеченному плану; она сомневалась даже в том, что Кристал Уидон вообще появится. Кристал нередко сбегала с уроков, если расстраивалась, злилась или томилась от скуки. Иногда ее перехватывали, пока она не вышла за калитку, и волокли обратно, невзирая на ее брань и вопли, но порой она все же ускользала и затем по нескольку дней прогуливала школу. Наступило десять сорок, прозвенел звонок; Тесса продолжала ждать.

Кристал ворвалась в кабинет без девяти минут одиннадцать и грохнула дверь. Она плюхнулась на стул перед Тессой и, потряхивая дешевыми серьгами, сложила руки на пышной груди.

– Можете передать мумуженьку вашему, – начала она дрожащим голосом, – ни хера я не смеялась, вот так.

– Не ругайся, пожалуйста, Кристал, – сказала Тесса.

– Я не смеялась, понятно? – заорала Кристал.

В библиотеку вошла группа старшеклассников с папками в руках. Они стали заглядывать в кабинет через застекленную дверь; один парень осклабился, узнав затылок Кристал. Тесса встала, опустила жалюзи, а потом вернулась на свое место перед солнцем и луной.

– Понятно, Кристал. Расскажи мне, пожалуйста, что произошло.

– Ваш муж сказал че-то про мистера Фейрбразера, а я не расслышала, че он говорил, и Никки мне повторила, но я ни хера...

– Кристал!

– ...не поверила, ну, и я типа закричала, но не засмеялась, я ни хера...

– Кристал!

– Ничего я не смеялась, понятно? – заорала Кристал, плотнее прижимая к груди сложенные руки и переплетая лодыжки.

– Понятно, Кристал.

Тесса уже привыкла, что ученики, с которыми ей чаще всего приходилось работать, чрезвычайно вспыльчивы. Многие из них, лишённые элементарных нравственных устоев, привычно лгали, хулиганили, жульничали, но при этом впадали в безграничную, неподдельную ярость от незаслуженных обвинений. Тессе показалось, что сейчас эта ярость искренняя, в отличие от притворной, которую Кристал умело симулировала. В любом случае тот клекот, который Тесса услышала во время общего сбора, уже тогда показался ей скорее выражением потрясения и ужаса, нежели радости; Тесса не на шутку испугалась, когда Колин прилюдно отождествил этот клекот со смехом.

– Я была у Кабби...

– Кристал!

– Я сказала вашему козлу-муженьку...

– Кристал, последний раз предупреждаю: не ругайся при мне!

– Я ему говорила, что не смеялась, говорила! А он, йопта, все равно меня после уроков оставил.

В жирно подведенных глазах девочки блеснули злые слезы. Лицо вспыхнуло пионово-розовым румянцем; Кристал уничтожила Тессу взглядом, готовая бежать, материться, оскорблять. Свитая за неполных два года упорного труда тончайшая нить доверительных отношений растянулась почти на разрыв.

– Я верю тебе, Кристал. Я верю, что ты не смеялась, но, пожалуйста, не ругайся при мне.

Вдруг короткие девчоночьи пальцы начали тереть истекающие тушью глаза. Тесса вытаскивала из ящика стола пачку бумажных носовых платков и передала их Кристал, которая, даже не поблагодарив, вытерла сначала один глаз, потом другой и высморкалась. Если во внешности Кристал и было что-то трогательное, так это ее пальцы с широкими, кое-как накрашенными ногтями, шевелившиеся по-детски наивно и непосредственно.

Тесса подождала, пока Кристал перестанет хлюпать, а потом сказала:

– Я вижу, как ты переживаешь смерть мистера Фейрбразера.

– Хоть бы и так, – сказала Кристал с подчеркнутой агрессией, – дальше что?

Перед Тессой почему-то возник мысленный образ Барри, слушающего их беседу. Она увидела перед собой его грустную улыбку и услышала – довольно четко, – как он говорит: «Храни ее Господь!» У Тессы защипало глаза, и она смежила веки; сил продолжать эту беседу не осталось. Слыша, как ерзает Кристал, она медленно досчитала до десяти, перед тем как открыть глаза. Кристал пристально смотрела на нее: руки по-прежнему сложены на груди, лицо красное, вид вызывающий.

– Мне тоже очень жаль мистера Фейрбразера, – сказала Тесса. – На самом деле он был нашим старинным другом. Именно поэтому мистер Уолл немного...

– Я же говорила ему, что не...

– Кристал, позволь мне закончить. Мистер Уолл сегодня очень расстроен, и, возможно, именно поэтому... именно поэтому он неправильно истолковал твою реакцию. Я поговорю с ним.

– Этот урод все равно не слушает...

– Кристал!

– Все равно не слушает!

Кристал отбивала дробь ногой по ножке стола Тессы. Тесса сняла со стола локти, чтобы не чувствовать вибрации, и повторила:

– Я поговорю с мистером Уоллом.

Она изобразила нейтральное, как ей казалось, выражение лица и стала терпеливо ожидать, когда Кристал сама раскроется. Кристал хранила вызывающее молчание, то и дело сглатывая слюну.

– А че у него было, у мистера Фейрбразера? – наконец спросила она.

– Врачи считают, у него в голове лопнула артерия, – сказала Тесса.

– Почему она лопнула?

– Это у него с рождения было уязвимое место, но он и не догадывался, – объяснила Тесса.

Тесса знала, что Кристал ближе, чем она сама, знакома с внезапной смертью. Люди в кругу матери Кристал преждевременно умирали один за другим, как будто гибли на тайной войне, скрытой от остального человечества. Кристал рассказывала Тессе, как в возрасте шести лет нашла у матери в ванной труп неизвестного. Это повлекло за собой один из многих ее переездов к бабуле Кэт. Во многих рассказах Кристал из времен ее детства бабуля вырастала в исполинскую фигуру, олицетворяя собой и спасение, и кару.

– И команде нашей теперь пипец, – сказала Кристал.

– Нет, ничего с ней не случится, – ответила Тесса. – И пожалуйста, Кристал, не ругайся.

– Еще как случится, – сказала Кристал.

Тесса хотела поспорить, но ее придавила усталость. «Кристал все равно права», – твердила обособленная часть ее разума. Академической восьмерке пришел конец. Никто, кроме Барри, не смог бы привлечь Кристал в какую бы то ни было секцию, а удержать – тем более. Она уйдет из команды; Тесса это знала, и сама Кристал, вероятно, тоже. Некоторое время они сидели молча: Тесса слишком обессилела, чтобы подбирать слова, способные переломить этот безнадежный настрой. Дрожа от озноба, она чувствовала себя беззащитной и обнаженной до костей. Тесса не спала уже больше суток.

(Саманта Моллисон позвонила ей из больницы в десять вечера, когда Тесса, как следует отмокнув в ванне, собиралась посмотреть новости по Би-би-си. Она принялась суетливо натягивать уличную одежду, а Колин мычал что-то нечленораздельное и наткнулся на мебель. Они поднялись наверх, чтобы сказать сыну, куда поехали, а затем побежали к машине. Колин неистово давил на газ, как будто надеялся, что Барри можно вернуть, если только поставить рекорд скорости на этой дистанции: обогнав реальность, обманом заставить ее перегруппироваться.)

– Или дальше грузите, или я сваливаю, – сказала Кристал.

– Не груби мне, пожалуйста, Кристал, – сказала Тесса. – Я сегодня совершенно без сил. Ночью мы с мистером Уоллом были в больнице вместе с женой мистера Фейрбразера. Они наши хорошие друзья.

(При виде Тессы Мэри совсем расклеилась, упала с чудовищным скорбным воем к ней в объятия и уткнулась ей в шею. Когда собственные слезы Тессы закапали на узкую спину Мэри, ей вдруг пришло в голову, что этот вой называется стенанием. Тело, которому Тесса так часто завидовала, стройное и миниатюрное, дрожало в кольце ее рук, не в состоянии удержать всю скорбь, что ему пришлось принять на себя.)

Как ушли Майлз и Саманта, Тесса не помнила. Она их почти не знала. Ей показалось, они не чаяли, как унести ноги.)

– Видала я его жену, – сказала Кристал, – беленькая такая, на соревнования к нам приезжала.

– Да, – ответила Тесса.

Кристал покусывала кончики пальцев.

– Он хотел меня в газету пристроить, – внезапно сказала она.

– Ты о чем? – не поняла Тесса.

– Мистер Фейрбразер хотел... чтоб они интервью взяли... у меня одной.

Однажды в местной газете появилась заметка о том, как уинтердаунская гребная восьмерка заняла первое место в региональном финале. Кристал, чьи навыки чтения были очень слабы, купила газету, чтобы показать ее Тессе, и Тесса прочитала заметку вслух, вставляя восхищенные, радостные возгласы. Эта был самый счастливый воспитательский час в ее жизни.

– По поводу спортивных успехов? – спросила Тесса. – По поводу вашей команды?
– Не, – ответила Кристал, – по другим делам. – И, помолчав, спросила: – А похороны когда?

– Еще не объявили, – ответила Тесса.

Кристал грызла ногти, а Тесса не могла набраться храбрости, чтобы разбить тишину, окаменевшую вокруг них.

Х

Объявление о кончине Барри на сайте местного совета утонуло, как крошечный камешек в безбрежном океане, оставив на поверхности разве что легкую рябь. Тем не менее в понедельник телефонные линии Пэгфорда были загружены больше обычного, а потрясенные пешеходы снова и снова кучками собирались на узких тротуарах, чтобы уточнить имевшиеся у них сведения.

Распространение этой вести вызвало странную мутацию. Она затронула собственноручные подписи Барри, которые стояли на документах в его офисе, и электронные сообщения, скопившиеся в почтовых ящиках его многочисленных знакомых; и то и другое теперь приобрело знаковый смысл, как тропинка из крошек, оставленная в лесу заблудившимся мальчиком из сказки. Эти стремительные росчерки и пиксели, вышедшие из-под пальцев, которые с тех пор навсегда застыли, обрели жуткое подобие пустых оболочек. Гэвин уже содрогнулся при виде текстов от умершего друга на своем телефоне, а одна девочка из гребной восьмерки, безутешно плакавшая после общего сбора, нашла у себя в рюкзаке какую-то заявку с подписью Барри и впала в настоящую истерику.

Двадцатитрехлетняя журналистка из газеты «Ярвил энд дистрикт» понятия не имела, что некогда занятой мозг Барри в настоящий момент представляет собой пригоршню тяжелой губчатой ткани, лежащую на металлическом подносе в Юго-Западной клинической больнице. Прочитав материал, который мистер Фейрбразер отправил ей за час до смерти, она решила позвонить ему на мобильный, однако номер не отвечал. Телефон Барри, выключенный по просьбе Мэри перед их отправлением в гольф-клуб, молча лежал на кухне рядом с микроволновой печью, вместе с другими личными вещами, которые она забрала домой из больницы. Их никто не трогал. Эти знакомые предметы – его брелок с ключами, телефон, потертый старый бумажник – выглядели останками самого усопшего, сродни пальцам или легким.

Известие о кончине Барри распространилось по больнице, подобно излучению, и выплеснулось наружу. Оно докатилось до самого Ярвила, не обходя даже тех, кто знал Барри либо чисто внешне, либо по слухам, либо только по фамилии. Постепенно факты начали терять форму и фокус; в некоторых местах они исказились. В других местах сама личность Барри оказалась затушеванной подробностями его смерти, и он уже воспринимался как извержение рвоты и мочи, как судорожно подергивающаяся бесформенная груда горя, и казалось неприличным, даже гротескно-комическим, что человек принял такую неопрятную смерть в небольшом элегантном гольф-клубе.

Случилось так, что Саймон Прайс, который одним из первых услышал о смерти Барри, причем в своем доме на вершине холма с видом на Пэгфорд, столкнулся с отраженной версией этой истории в типографии «Харкорт-Уолш» в Ярвиле, куда пришел работать сразу после школы. Эта версия слетела с уст молодого, жующего резинку водителя погрузчика – во второй половине дня, вернувшись из сортира, Саймон застал парня у двери своего кабинета.

В принципе, тот пришел вовсе не за тем, чтобы поговорить о Барри.

– Это дело можно в среду проверить, – начал он вполголоса, зайдя вслед за Саймоном в кабинет и дождавшись, чтобы тот закрыл дверь, – если надобность еще не отпала.

– Так-так, – сказал Саймон, усаживаясь за стол, – а мне казалось, ты говорил, там все уже на мази?

– Ну да, только забрать до среды не получится.

– Еще раз: сколько, ты говорил, это стоит?

– Восемьдесят, наליком.

Парень энергично жевал резинку: до Саймона долетало чавканье. Среди ненавистных ему привычек эта занимала особое место.

– А вещь-то не паленая? – допытывался Саймон. – Не фуфлю какое-нибудь?

– Прямо со склада, – заверил парень, переступая с ноги на ногу и поводя плечами, – новые, в заводской упаковке.

– Тогда заметано, – сказал Саймон. – В среду привози.

– Куда – сюда, что ли? – Парень закатил глаза. – Не прокнаает. Вы где живете?

– В Пэгфорде, – ответил Саймон.

– А конкретно?

Нежелание Саймона указывать свой адрес граничило с суеверием. Он не просто не любил гостей – посягателей на его частную жизнь и потенциальных грабителей, но рассматривал Хиллтоп-Хаус как неоскверненную, незапятнанную святыню, столь отличную от Ярвила и шумной, выматывающей типографии.

– После работы заберу, – сказал Саймон, игнорируя вопрос. – Где это у тебя?

Парень недовольно нахмурился. Саймон пронзил его взглядом.

– Бабло вперед, – не сдавался водитель погрузчика.

– Бабло получишь, когда товар у меня будет.

– Не, не прокатит.

Саймону казалось, что у него начинается головная боль. Он не мог избавиться от ужасной мысли, посеянной его бестолковой женой, что у человека в башке может годами тикать крошечная тайная бомба. Определенно, постоянный грохот и шум типографского станка здоровья не прибавляли. А вдруг эта нескончаемая канонада год за годом истончает ему стенки артерий?

– Ладно, – буркнул Саймон, приподнявшись в кресле, чтобы достать из заднего кармана бумажник.

Парень подошел к столу и протянул руку.

– Вы, как я понимаю, рядом с гольф-клубом живете? – спросил он, пока Саймон, не выпуская деньги из рук, отсчитывал десятки. – Вчера там кореш мой был – видел, как мужик концы отдал, прямо на парковке. Просто, к гребеням, облевался, брык – и откинулся.

– Да, слышал, – сказал Саймон, разглаживая последнюю из банкнот, чтобы убедиться, не прилипла ли к ней другая.

– Он в совете такими делами ворочал, покойник этот. Откаты брал. Грейз ему отстегивал за каждый подряд.

– Ну-ну, – бросил Саймон, хотя был страшно заинтригован.

«Барри Фейрбразер? Кто бы мог подумать!»

– Короче, будем на связи, – сказал парень, запихнув восемьдесят фунтов в задний карман. – Вместе поедем и заберем – в среду.

Дверь офиса закрылась. Саймон настолько изумился оборотистости Барри Фейрбразера, что мигом забыл о головной боли. Барри Фейрбразер, всегда такой деловитый, открытый, веселый, всеобщий любимец, – и получал откаты от Грейза.

Однако это известие не поразило Саймона, как поразило бы любого, кто знал Барри; оно нисколько не принизило Барри в его глазах, напротив, он зауважал усопшего. У кого есть мозги, тот и хапает – ему ли не знать. Невидящим взглядом он вперился в экранную таблицу, перестав слышать лязг печатного цеха за стеклянной дверью.

Люди семейные вкалывают с девяти до пяти, но Саймон знал и другие, более удобные пути: жизнь, полная всяческих благ, висела у него над головой, как набитая до отказа пиньята⁴, которую он мог бы распороть одним ударом, будь у него длинная пика и удобная возможность. Саймон жил в детской уверенности, что весь остальной мир служит лишь декорацией к его спектаклю, что его хранит судьба, разбрасывающая кругом подсказки и знаки, и что один такой знак предназначен специально для него – это ему подмигнули небеса.

Правда, в прошлом такие подсказки пару раз выходили ему боком. Много лет назад, еще занимавший скромную должность подмастерья, но уже обремененный ипотечным займом, который, в сущности, был ему не по карману, и недавно забеременевшей женой, Саймон поставил сто фунтов на приглянувшегося жеребца по имени Рутиз Бэби на скачках «Гранд-нэшнл», а тот пришел предпоследним. Вскоре после покупки Хиллтоп-Хауса Саймон вложил тысячу двести фунтов, на которые Рут надеялась купить гардины и ковры, в таймшеры, которыми занимался один знакомый жох из Ярвила. Инвестиция Саймона испарилась вместе с директором фирмы, и хотя Саймон бесился, ругался и даже наподдал младшему сыну (чтобы не путался под ногами), да так, что тот пересчитал половину ступенек, в полицию он заявлять не стал. Он знал о некоторых нестандартных методах в работе фирмы еще до того, как вложил туда деньги, а потому опасался лишних вопросов.

Но подобные бедствия компенсировались проблесками удачи, хитрыми уловками, верными предчувствиями, и Саймон придавал им большой вес при подведении баланса; именно благодаря им он по-прежнему верил своим звездам, которые поддерживали его убеждение, что судьба уготовила ему нечто большее, чем ишачить за гроши до пенсии, а то и до смерти. Рука руку моет, не подмажешь – не поедешь, хочешь жить – умей вертеться; никто этому не чужд, в том числе, как выясняется, и коротышка Барри Фейрбразер.

Там, в своей убогой конторе, Саймон Прайс впервые алчно разглядывал образовавшуюся брешь в стане градоначальников, где наличные деньги теперь капали в пустое кресло – только карман подставляй.

⁴ *Пиньята* – мексиканская кукла для сладостей, сделанная из папье-маше и подвешиваемая по праздникам к потолку.

(Дела минувшие)

Нарушение частных владений

12.43 В отношении нарушителей (которые, в принципе, обязаны уважать границы частных владений и права занимающих недвижимость лиц)...

Чарльз Арнольд-Бейкер

Организация работы местного совета

7-е изд.

I

При весьма скромных масштабах Пэгфордский местный совет славился своей боевитостью. На ежемесячных заседаниях, проходивших в элегантном викторианском зале приходских собраний, он десятилетиями последовательно и успешно ставил заслоны всем попыткам урезать его бюджет, забрать у него некоторые полномочия, а то и объединить его с какой-нибудь новоявленной унитарной структурой. Из всех местных органов самоуправления, подотчетных Ярвилскому областному совету, пэгфордский более других по праву гордился своей принципиальной, активной и независимой позицией.

До вечера воскресенья в его составе было шестнадцать местных жителей. Поскольку в глазах пэгфордского электората желание баллотироваться в совет уже подразумевало необходимую компетентность, все шестнадцать советников были избраны на безальтернативной основе.

Однако внутри этого мирно избранного органа постоянно шла гражданская война. Спорная проблема, которая на протяжении шестидесяти с лишним лет вызывала бурю гнева и возмущения, достигла своего апогея, и совет раскололся на две фракции, возглавляемые харизматическими лидерами.

Понять суть этих разногласий мог лишь тот, кто сознавал всю глубину неприязни и недоверия Пэгфорда к областному центру Ярвилу, располагавшемуся севернее.

Ярвилские магазины, фирмы, предприятия, а также Юго-Западная клиническая больница обеспечивали рабочие места для подавляющей части населения Пэгфорда. Субботними вечерами пэгфордская молодежь устремлялась в кинотеатры и ночные клубы Ярвила. Кому наскучивало несравненное обаяние Пэгфорда, тех ждали городские парки, собор и два огромных торговых центра. И все же для истинных пэгфордцев Ярвил оставался неизбежным злом. Их отношение символизировал увенчанный Паргеттерским аббатством высокий холм, который отгораживал Ярвил от Пэгфорда и создавал у людей счастливую иллюзию, будто до большого города много дальше, чем на самом деле.

II

Так уж получилось, что холм Паргеттер заслонял от Пэгфорда еще одно место, но такое, которое городок считал своим и совершенно особым. То был Суитлав-Хаус, элегантный замок медового цвета в стиле английского барокко, окруженный парком и обширными угодьями. Входивший в черту Пэгфордского прихода, он стоял на полпути между Пэгфордом и Ярвиллом. Без малого два века замок плавно переходил от одного поколения аристократического рода Суитлав к другому, но в начале двадцатого века этот род прервался. О многолетней его связи со здешними местами напоминал теперь самый внушительный фамильный некрополь на погосте церкви Архангела Михаила и Всех Святых, да еще ряд гербов и вензелей на зданиях и в местных архивах – ни дать ни взять окаменелые следы и копролиты вымершего вида.

После смерти последнего Суитлава замок с удручающей скоростью начал переходить из рук в руки. В Пэгфорде высказывались опасения, что какой-нибудь застройщик приобретет и обезобразит любимую горожанами достопримечательность. В середине пятидесятых имение купил некий Обри Фоли. Вскоре стало известно, что он владеет значительным личным состоянием, которое таинственным образом прирастает в лондонском Сити. Отец четверых детей, он изъявил желание поселиться в Пэгфорде. Местное население с большим энтузиазмом встретило эту идею, тем более что Фоли, по слухам, вел свое происхождение от побочной ветви рода Суитлав. Иными словами, он уже был наполовину уроженцем здешних мест, а значит, по натуре своей тяготел к Пэгфорду, а не к Ярвилу. Старый Пэгфорд возлагал надежды на пришествие Обри Фоли, которое сулило возврат к старым добрым временам. Обри мог стать отцом-благодетелем города, как некогда – его предки, которые озаряли мощные улочки своей благосклонностью и светским лоском.

Говард Моллисон до сих пор помнил, как мать принесла в их тесную кухоньку на Хоуп-стрит весть о том, что Обри возглавит жюри местной садоводческой выставки. Ее собственные турецкие бобы три года подряд побеждали в номинации «Овощи», и теперь она жаждала получить посеребрянный кубок из рук человека, окруженного в ее глазах романтическим ореолом истории.

III

Но впоследствии, если верить местной легенде, пришествие отцблагодетеля внезапно заволокли темные тучи. В то время как Пэгфорд ликовал, что Суитлав-Хаус наконец-то попал в надежные руки, Ярвил затеял стремительное расширение к югу за счет муниципальной застройки. Новые улицы, к неудовольствию Пэгфорда, оттяпали кусок земли, отделявшей большой город от малого.

Как известно, после войны резко повысился спрос на дешевое жилье, но маленький город, который на время отвлекло пришествие Обри Фоли, загудел, как улей, от такой активности Ярвила. Если раньше речка и холм, естественные барьеры, обеспечивали суверенитет Пэгфорда, то теперь создалось впечатление, будто его территория ужимается под натиском домиков из красного кирпича. Застроив каждый клочок земли, имевшейся в его распоряжении, Ярвил остановился у северной границы Пэгфордского прихода.

Маленький город вздохнул с облегчением, но, как оказалось, преждевременно. Предместье Кентермилл мгновенно признали недостаточным, и большой город начал присматривать новые земли для колонизации. Вот тогда-то Обри Фоли (для жителей Пэгфорда скорее миф, нежели человек) и принял решение, которое повлекло за собой болезненные раздоры длиной в шестьдесят лет.

Не находя применения заброшенным полям, в которые уперлись новостройки, он с выгодой продал эту землю областному совету Ярвила, а полученные от сделки средства использовал для восстановления резной деревянной обшивки стен в коридоре Суитлав-Хауса.

Пэгфорд бурлил от негодования. Примыкающие к усадьбе Суитлав поля некогда ограждали Пэгфорд от посягательств большого города; теперь исторической границе прихода грозило нашествие ярвилской бедноты. Шумные заседания местного совета, гневные письма в прессу и в областной совет Ярвила, персональные обращения к ответственным лицам – ничто не могло переломить ход событий.

Городская застройка продолжила свое наступление, однако с некоторой разницей. За время краткой передышки после завершения первого этапа областной совет Ярвила сообразил, что затраты на строительство можно снизить. На смену красному кирпичу пришли бетонные блоки и стальные конструкции. Второе предместье (микрорайон Филдс, в обиходе – Поля) разительно отличалось от Кентермилла бросовыми материалами и убогой планировкой.

В одном из здешних домов, которые в конце шестидесятых уже облупились и пошли трещинами, родился Барри Фейрбразер.

IV

Вопреки лживым заверениям Ярвилского областного совета, обещавшего взять на себя содержание новых районов, Пэгфорду, как и предсказывали наиболее прозорливые горожане, очень скоро начали предъявлять счета. Если Ярвилский областной совет предоставлял Филдсу жилищно-коммунальные услуги в части содержания домов, то остальные заботы – устройство пешеходных дорожек, уличное освещение, установку скамеек, приобретение павильонов для остановок общественного транспорта, уборку территорий – большой город с высоты своего положения делегировал Пэгфорду.

Виадук над магистралью Пэгфорд – Ярвил из конца в конец испещрили граффити; автобусные остановки были варварски разгромлены; хулиганы из Филдса били фонари, швыряли пивные бутылки на игровые площадки. На пешеходной тропе, излюбленной туристами и просто гуляющими, теперь тусовались («это в лучшем случае», туманно приговаривала мать Говарда Моллисона) трудные подростки. Пэгфорду оставалось разгребать, ремонтировать и заменять, однако средства, поступающие из Ярвила, не покрывали, да и не могли покрыть, новых расходов.

Но самые отчаянные и непримиримые протесты вызывало у жителей Пэгфорда то навязанное им обстоятельство, что проживающие в Полях дети оказались в пределах микрорайона начальной школы Святого Фомы, подчинявшейся англиканской церкви. Они получили право носить желанную бело-голубую форму, резвиться во дворе подле закладного камня с именем леди Шарлотты Суитлав и сотрясать крошечные классные помещения своим пронзительным визгом и ужасающим акцентом. В Пэгфорде быстро поняли, что за дома в Филдсе бьются не на жизнь, а на смерть сидящие на пособии ярвилские семьи с детьми школьного возраста; в Филдс толпами, как мексиканцы в Техас, повалили безработные из Кентермилла. Коренные горожане с большой нежностью относились к своему «Сент-Томасу». Начальная школа удерживала семьи молодых профессионалов от переезда в Ярвил: родителей привлекали маленькие классы, удобно оборудованные помещения, старинное каменное здание, спортивная площадка с сочной зеленой травой; но теперь дело шло к тому, что здесь будут задавать тон отпрыски тунеядцев, наркоманов и гулящих матерей.

Этот кошмарный сценарий реализовался лишь отчасти, потому что наряду с несомненными преимуществами такие семьи видели в «Сент-Томасе» и определенные недостатки: им приходилось покупать для своих детей школьную форму или заполнять бесчисленные заявки на материальную помощь для ее приобретения, хлопотать о выдаче проездных билетов на автобус, вставать ни свет ни заря, чтобы вовремя доставлять свое потомство на уроки. Если родителей останавливали эти препятствия, то их дети вливались в большую и непритязательную школу, построенную в Кентермилле. Если же дети из Филдса все-таки попадали в «Сент-Томас», они почти не выделялись среди своих пэгфордских однодокков; более того, некоторых признавали очень хорошими ребятами. К таким относился и Барри Фейрбразер, смысленый и всеми любимый школьный клоун, благополучно переходивший из класса в класс и лишь изредка замечавший, как застывали улыбки на лицах родителей соучеников при упоминании его адреса.

Вместе с тем «Сент-Томас» порой вынужден был принимать и откровенно агрессивных выходцев из Филдса. Например, Кристал Уидон на момент достижения школьного возраста проживала у своей прабабки на Хоуп-стрит, а потому отказать ей в приеме не было никаких оснований; правда, когда она вернулась к матери в Филдс, у многих затеплилась надежда, что школа избавится от нее навсегда.

Затяжной, мучительный для обеих сторон процесс ее учебы напоминал прохождение козы через желудок удава. Впрочем, Кристал нечасто обременяла учителей своим присутствием: специально подготовленный педагог проводил с нею занятия на индивидуальной основе.

По злой иронии судьбы Кристал оказалась в одном классе с Лекси, старшей внучкой Говарда и Ширли. Однажды Кристал ударила Лекси Моллисон по лицу, да так, что выбила ей два зуба. Ни бабушку с дедом, ни родителей Лекси не утешило то, что эти зубы все равно шатались.

Майлз и Саманта Моллисон решили, что в средней школе «Уинтердаун» таких, как Кристал, будут целые классы, и это убеждение заставило их определить обеих дочек в ярвилскую частную школу Святой Анны, где они жили всю неделю, приезжая домой только на выходные. Когда Говард приводил примеры пагубного влияния нового предместья на обстановку в Пэгфорде, он не забывал упомянуть, что Кристал Уидон лишила его внучек законного права на бесплатное образование.

V

Первый выплеск протеста сменился менее шумным, но столь же сильным недовольством. Филдс нарушал и осквернял былую красоту и покой Пэгфорда, и возмущенные горожане решили добиваться его отделения. Раз за разом проводился пересмотр границ, полным ходом шли реформы местного самоуправления, но дело не двигалось с мертвой точки: Филдс по-прежнему оставался в составе Пэгфорда. Прибывающие в город новоселы быстро схватывали, что ненависть к этому предместью служит залогом благосклонности городских заправил. Но теперь наконец-то – через шестьдесят с лишним лет после перехода этого рокового участка от Обри Фоли к Ярвилу, после десятилетий упорных трудов, согласований и обращений – антифилдсовцы Пэгфорда оказались на зыбком пороге победы.

Экономический спад заставил местные власти пойти на упрощения, сокращения и реорганизации. В Ярвилском областном совете нашлись депутаты, которым было бы на руку присоединение к городу маленького, разваливающегося на части предместья, не способного выжить в условиях жестких мер экономии; увеличение электората за счет целой армии недовольных позволило бы этим благодетелям заручиться дополнительными голосами на выборах.

У Пэгфорда был свой представитель в Ярвиле – депутат областного совета Обри Фоли. Не тот, что способствовал застройке Полей, а его сын. Молодой Обри, который унаследовал Суитлав-Хаус, служил в одном из коммерческих банков Лондона. Деятельность Обри на уровне местного самоуправления была окрашена тенью искупления: он словно пытался исправить то зло, которое бездумно причинил городку его отец. Они с женой Джулией спонсировали сельскохозяйственную выставку и вручали призы, заседали в различных комитетах и ежегодно давали рождественские приемы, приглашение на которые считалось весьма почетным.

Говарда согрела мысль о том, что они с Обри стали близкими соратниками в борьбе за общее дело – за передачу микрорайона Филдс под юрисдикцию Ярвила; ведь Обри вращался в высоких коммерческих сферах, внушавших Говарду восторженное уважение.

Каждый вечер после закрытия магазина Говард, выдвинув ящик допотопного кассового аппарата, начинал пересчитывать мелочь и засаленные купюры, перед тем как убрать их в сейф. А Обри у себя на службе никогда не притрагивался к деньгам, хотя переправлял баснословные суммы с континента на континент. Он управлял и распоряжался денежными потоками, а когда обстоятельства складывались менее благоприятно, по-хозяйски взирал на их исчезновение. В глазах Говарда Обри был окружен мистической оболочкой, пробить которую не смог бы даже обвал мирового финансового рынка; хозяин кулинарии никому не прощал обвинений в адрес таких, как Обри, которые якобы ввергли страну в нынешнюю пучину финансовых трудностей. Когда в стране была тишь да гладь, никто почему-то не жаловался, приговаривал

обычно Говард; он оказывал Обри уважение, достойное генерала, раненного на непопулярной войне.

В то же время Обри, как член областного совета, имел доступ к интересным статистическим данным и делился с Говардом многочисленными сведениями о ненавистном предместье Пэгфорда. В результате они оба знали объемы вливаний, бесполезных и безвозвратных, в обветшалые кварталы Филдса, знали, что тамошние жители не являются домовладельцами (тогда как краснокирпичные дома в Кентермилле почти сплошь были выкуплены в собственность и обихожены до неузнаваемости: приоконные ящики с цветами, крылечки, аккуратные газоны); знали, что почти две трети населения Филдса сидит на шее у государства и что многие проходят через наркологическую лечебницу «Беллчепел».

VI

Говард всегда носил при себе мысленный образ Филдса, как воспоминание о страшном сне: исписанные похабщиной доски поперек окон; подростки с сигаретами в зубах, вечно болтающиеся под разбитым навесом каждой автобусной остановки; повсюду спутниковые антенны, воздетые к небу, как обнаженные сердцевины угрюмых железных цветков. Он часто задавал себе риторические вопросы: что мешает людям сообща навести порядок у себя в районе? Что мешает объединить свои скудные ресурсы и купить одну газонокосилку на всех? Так нет же, Филдс полагал, что оба совета, областной и местный, обязаны убирать, чинить, ухаживать – и давать, давать, давать.

От таких мыслей Говард обычно переносился на Хоуп-стрит времен своего детства: на задних дворах, пусть даже крошечных, размером со скатерть, как, например, у его мамы, почти повсеместно росли турецкие бобы и картошка. Никакая сила, насколько знал Говард, не могла помешать обитателям Полей выращивать свежие овощи; никакая сила не могла заставить их махнуть рукой на хулиганистых отпрысков в капюшонах и с баллончиками краски; никакая сила не могла помешать им выйти сообща на уборку и благоустройство территории, привести себя в порядок, найти работу. Отсюда Говард делал вывод, что сегодняшние жители предместья добровольно выбирают такой образ жизни, а слегка угрожающий дух деградации, витающий над их районом, – это не что иное, как ошутимое проявление невежества и лени.

Пэгфорд, напротив, сиял, как виделось Говарду, нравственной чистотой, будто коллективная душа его обитателей воплощалась в аккуратных мостовых, холмистых улицах и живописных домах. Место рождения Говарда не сводилось для него к конгломерату старинных зданий, быстрой речке, окаймленной деревьями, величественному силуэту аббатства и подвесным кашпо на Центральной площади. Этот городок был его идеалом, образом жизни, микроцивилизацией, выстоявшей среди упадка страны.

«Я – человек Пэгфорда, – повторял он наезжавшим в летние месяцы туристам, – до мозга костей». Этой сентенцией Говард делал себе прочувствованный комплимент, замаскированный под банальность. Он родился в этом городе и здесь умрет; у него никогда не возникало желания уехать, сменить обстановку: река, леса – они и так менялись со сменой времен года; Центральная площадь весной утопала в цветах, а под Рождество сверкала огнями.

Барри Фейрбразер знал и, более того, озвучивал эту позицию. Он смеялся, сидя за столом в приходском зале собраний, смеялся в лицо Говарду: «Знаешь, Говард, ты для меня – Пэгфорд». И Говард, ничуть не смущаясь (он привык парировать все выпады Барри), отвечал: «Для меня это высокая похвала, Барри, независимо от твоего подтекста».

Говард даже позволял себе хохотнуть. У него в жизни оставалась одна цель, и сейчас она была близка, как никогда, потому что передача Филдса в подчинение Ярвилу стала, пожалуй, только вопросом времени.

А потом, за два дня до скоростижной смерти Барри, Говард из надежного источника узнал, что его оппонент нарушил все известные правила субординации, написав для местной газеты статью о том, как благотворно подействовало на Кристал Уидон обучение в начальной школе Святого Фомы.

Идея представить читающей публике Кристал Уидон как воплощение успешной интеграции Филдса и Пэгфорда могла бы, как сказал тогда Говард, быть смешной, когда бы не имела далекоидущих последствий. Естественно, Фейрбразер натаскал девчонку заранее, и правда о ее грязном языке, о сорванных уроках, о доведенных до слез одноклассницах, о ее постоянных исключениях и восстановлении грозила утонуть во лжи.

Говард полагался на здравомыслие земляков, но опасался журналистских домыслов и вмешательства несведущих доброхотов. Возражения его носили и принципиальный, и личный характер: он еще не забыл, как плакала в его объятиях внучка, как зияли у нее во рту кровавые гнезда на месте выбитых зубов и как он успокаивал ее обещаниями, что добрая фея принесет ей тройной подарок за каждый зубик.

Вторник

I

Через двое суток после кончины Барри Фейрбразера его жена Мэри проснулась в пять утра. Рядом с ней на супружеской кровати спал двенадцатилетний Деклан, который, всхлипывая, залез под одеяло в первом часу ночи. Сейчас он видел десятый сон, и Мэри на цыпочках перешла из спальни в кухню, чтобы дать волю слезам. Каждый проходящий час только нагнетал скорбь, потому что отдалял от нее мужа и приносил с собой привкус вечности, которую ей предстояло прожить без него. Вновь и вновь она забывала, ровно на одно биение сердца, что он ушел навсегда и больше не подставит ей плечо.

Дождавшись сестры и зятя, тут же принявшихся готовить завтрак, Мэри взяла мобильник мужа и ушла в кабинет, где начала просматривать бесконечный список контактов Барри в поисках знакомых. Не прошло и пяти минут, как трубка зазвонила у нее в руках.

– Да? – прошептала она.

– Алло! Мне нужен Барри Фейрбразер. Говорит Элисон Дженкинс из газеты «Ярвил энд дистрикт».

Бойкий женский голос невыносимо резал слух; как победные фанфары, он заглушал смысл.

– Кто, простите?

– Элисон Дженкинс из газеты «Ярвил энд дистрикт». Могу я поговорить с Барри Фейрбразером? По поводу его статьи насчет обстановки в Филдсе.

– А что такое? – спросила Мэри.

– Он забыл предоставить нам данные о девочке, главной героине. Мы будем делать с ней интервью. Кристал Уидон, так?

Каждое слово было как пощечина. Однако Мэри даже не пыталась уклониться и замерла в старом вертящемся кресле мужа, упрямо снося град ударов.

– Вы меня слышите?

– Да, – ответила Мэри надтреснутым голосом. – Я вас слышу.

– Мне известно, что мистер Фейрбразер очень хотел присутствовать на этом интервью, но время поджимает...

– Он не сможет присутствовать, – перебила Мэри, срываясь на крик. – Он не сможет больше ничего сказать об этом проклятом Филдсе и вообще ни о чем, никогда!

– Что-что? – не поняла девушка.

– Мой муж умер, знайте. Он умер, так что Филдсу придется обойтись без него, понятно?

У Мэри тряслись руки; включенный мобильник выскользнул из пальцев, и журналистка наверняка услышала ее сдавленные рыдания. Потом Мэри вспомнила, что весь последний день своей жизни, день их годовщины, Барри безоглядно посвятил проблемам Филдса и Кристал Уидон; ее захлестнула ярость, и она с такой силой швырнула мобильный через всю комнату, что сбила со стены фотографию в рамке, запечатлевшую их четверых детей. Мэри кричала и плакала одновременно; сестра с зятем в панике взбежали вверх по лестнице и ворвались в кабинет.

Они смогли вытянуть из нее только одно:

– Поля, проклятые, проклятые Поля...

– Мы с Барри там выросли, – пробормотал ее зять, но решил не пускаться в объяснения, чтобы не доводить Мэри до истерики.

II

Инспектор социальной службы Кей Боден перебралась из Лондона в Пэгфорд со своей дочерью Гайей всего месяц назад; здесь они оказались единственными новоселами. Кей было неизвестно, что квартал под названием Филдс имеет сомнительную репутацию; просто здесь жили многие из ее подопечных. О Барри Фейрбразере она знала лишь одно: его внезапная смерть стала причиной отвратительной сцены у нее на кухне, когда Гэвин, ее возлюбленный, даже не притронувшись к омлету, умчался как нахлестанный и тем самым разбил все надежды, которые вселил в нее любовный пыл прошлой ночи.

Во вторник Кей остановилась у придорожной закусочной между Пэгфордом и Ярвиллом, чтобы съесть в машине сэндвич и заодно просмотреть стопку исписанных листов. У одной сотрудницы произошел нервный срыв, и на Кей тут же навесили треть ее подопечных. Около часу дня она выехала в сторону Филдса.

В этом предместье она бывала не раз, но еще плохо ориентировалась в его закоулках. Отыскав наконец Фоули-роуд, Кей издалека заметила дом, принадлежавший, по ее расчетам, семье Уидон. По их досье она уже представляла, к чему надо готовиться, и с первого взгляда поняла, что не ошиблась.

У фасада громоздилась куча мусора, выросшая до самых окон: набитые отбросами магазинные пакеты перемежались тряпьем и грязными подгузниками. Отбросы частично просыпались – или были выброшены – на неопрятную лужайку, посреди которой красовалась лысая автомобильная покрывка; очевидно, ее недавно передвинули, потому что вблизи темнел примятый круг жухлой растительности. Позвонив в дверь, Кей заметила в траве, прямо под ногами, использованный презерватив, похожий на полупрозрачный кокон какой-то гигантской личинки.

Сейчас ее охватило легкое опасение, с которым она так и не научилась бороться за долгие годы; впрочем, это был пустяк по сравнению с нервной дрожью, которая по молодости была ее у незнакомых дверей. В ту пору, хотя она получила основательную подготовку и совершала обходы в сопровождении старших сотрудниц, ей подчас становилось по-настоящему жутко. Злые собаки, хулиганы с ножами, дети-уродцы – чего только она не насмотрелась в чужих домах.

На звонок никто не ответил, хотя из полуоткрытого окна слева от входа доносилось хныканье младенца. Когда она постучала в дверь, ей на туфлю слетела чешуйка бежевой краски. Тут она вспомнила, в каком состоянии находится ее собственный новый дом. Гэвин мог бы подсобить ей с ремонтом, но об этом он даже не заикался. Время от времени Кей перебирала все то, чего он не сказал и не сделал, – в точности как скупец перебирает долговые расписки; от досады и горечи она давала себе зарок потребовать расплаты.

Она постучала еще раз, слишком поспешно, чтобы только отвлечься от этих мыслей, и услышала приглушенный голос:

– Да иду, мать вашу, иду.

Дверь распахнулась; на пороге стояла женщина – не то девочка, не то старуха, в линялой голубой майке и мужских пижамных штанах. Одного роста с Кей, она вся как-то усохла. Ключицы и скулы выпирали из-под тонкой бледной кожи. Ключковатые волосы, крашенные, причем явно своими руками, в ярко-рыжий цвет, выглядели как парик, нахлобученный на голый череп; зрачки были сужены до предела; груди практически отсутствовали.

– Здравствуйте, вы – Терри? Меня зовут Кей Боден, я замещаю вашего инспектора, Мэтти Нокс.

Тонкие серовато-белые руки женщины пестрели серебристыми оспинами; на одном предплечье вызывающе краснела мокрая язва. От правой руки до самой шеи тянулся широ-

кий, будто пластиковый шрам. В Лондоне Кей курировала одну наркоманку, которая устроила в доме пожар, а когда спохватилась, было уже поздно.

– Ну ясно, – промямлила Терри после затяжной паузы.

Теперь она казалась гораздо старше: у нее не хватало нескольких зубов. Повернувшись спиной к Кей, она нетвердой походкой двинулась по темному коридору. Кей пошла следом. В доме пахло тухлятиной, по-том, застарелой грязью. Терри свернула в первую дверь налево, за которой располагалась крошечная гостиная.

Там не было ни книг, ни репродукций, ни фотографий, ни телевизора – ничего, кроме пары старых, засаленных кресел и хромого стеллажа. Обломки его валялись на полу. Прислоненная к стене башня новехоньких картонных коробок желтого цвета смотрелась инородным телом.

В центре комнаты топтался босой ребенок в футболке и набухшем подгузнике. Кей знала из документов, что ему три с половиной года. Его нытье, похоже, было бессознательным и беспричинным – просто сигнал присутствия. Он прижимал к себе пакет из-под каких-то хлопьев.

– Это, видимо, Робби? – уточнила Кей.

При звуке своего имени ребенок посмотрел в ее сторону, не прекращая ныть. Терри сдвинула в сторону облупленную жестяную коробку из-под печенья, которая занимала одно из грязных кресел, и примостилась рядом, наблюдая за Кей из-под тяжелых век. Кей присела на другое кресло, стараясь не смахнуть с подлокотника переполненную пепельницу. Окурки частично просыпались на сиденье: Кей ощущала их бедрами.

– Ну здравствуй, Робби, – сказала Кей, открывая досье Терри.

Мальчонка по-прежнему скулил – и тряс пакетом, в котором что-то стучало.

– Что там у тебя? – спросила Кей.

Он не ответил и что есть силы тряхнул пакет. Оттуда вылетела пластмассовая фигурка, которая, описав дугу, завалилась за картонные коробки. Робби заревел. Кей наблюдала за Терри, которая безучастно уставилась на сына. В конце концов мать буркнула:

– Заткнись уже, Робби.

– Может, попробуем достать? – предложила Кей, радуясь предлогу подняться с кресла и отряхнуть сзади брюки. – Давай-ка посмотрим.

Она заглянула в просвет между стеной и коробками. Игрушка застряла у самого верха. Кей протянула туда руку. Коробки оказались тяжелыми; сдвинуть их было непросто. Изловчившись, Кей все же достала фигурку и увидела, что она изображает толстого ярко-лилового человечка, сидящего в позе Будды.

– Держи, – сказала она.

Робби успокоился; он вернул игрушку в пакет и опять загромыхал содержимым.

Кей огляделась; под сломанным стеллажом валялись две игрушечные машинки.

– Любишь машинки? – спросила Кей, указывая на них пальцем.

Ребенок даже не посмотрел в ту сторону и лишь покосился на Кей с расчетливым любопытством. Затем он поковылял к стеллажу, извлек из-под него одну машинку и продемонстрировал ее Кей.

– Би-би, – выговорил он. – Мафына.

– Очень хорошо, – похвалила Кей. – Молодец. Машина. Би-би.

Ей пришлось опять сесть и вытащить из сумки блокнот.

– Итак, Терри. Как ваши дела?

Помолчав, Терри выдавила:

– Нормально.

– Объясню еще раз: Мэтти сейчас на больничном, я ее заменяю. Она передала мне свои записи; я проверю, не произошло ли у вас каких-либо изменений за истекшую неделю, догово-

рились? Тогда начнем: Робби посещает детский сад, правильно? Четыре дня в неделю в первую смену и два дня – во вторую, верно?

Голос Кей, казалось, не достигал слуха Терри, ну разве что издали. Словно та сидела на дне колодца.

– Ага, – ответила Терри, помолчав.

– И что вы скажете? Ему там нравится?

– Ага, – сонно выдавила Терри.

Но Кей внимательно изучала небрежные записи Мэтти.

– А разве сейчас он не должен быть в детском саду, Терри? Разве по вторникам он дома?

Терри, очевидно, боролась с дремотой. Пару раз голова ее начинала клониться то к одному плечу, то к другому. В конце концов она выговорила:

– Его Кристал водит, так нету ее.

Робби запихнул машинку в пакет. Потом он поднял с пола окурки, отлепившийся от брюк Кей, и отправил его к машинке и лиловому Будде.

– Кристал – это ваша дочь, правильно? Сколько ей лет?

– Четырнадцать, – сквозь дремоту пробормотала Терри. – С полтиной.

Судя по записям, Кристал исполнилось шестнадцать. Наступило долгое молчание. У кресла, которое занимала Терри, стояли две кружки с зазубринами по краям. Грязная жижа в одной из них цветом напоминала кровь. Терри сложила руки на плоской груди.

– Я уж его одела, – сказала Терри, с трудом извлекая слова из глубин подсознания.

– Извините за такой вопрос, Терри: вы сегодня утром кололись?

Терри утерла губы похожей на птичью лапу рукой.

– Не.

– Кака, – объявил Робби, направляясь к дверям.

– Ему не надо помочь? – спросила Кей, когда Робби скрылся из виду и затопал по лестнице.

– Не, он сам, – промямлила Терри, опершись на подлокотник и поддерживая кулаком болтающуюся голову.

Робби кричал с верхней площадки:

– Закыто! Закыто!

Он барабанил в какую-то дверь. Терри не двигалась.

– Давайте я ему помогу, – вызвалась Кей.

– Ага, – сказала Терри.

Взбежав по лестнице, Кей повернула тугую дверную ручку. В нос ударила вонь. На серой ванне темнели бурые потеки; в унитазе плавали фекалии. Кей успела нажать на слив, прежде чем Робби залез на стульчак. Наморщившись, он шумно тужился, ничуть не смущаясь ее присутствием. Раздался громкий всплеск; вонь пополнилась новыми нотами. Робби слез с унитаза и, не вытирая попу, натянул подгузник. Кей призвала его исправить это упущение, но он не понял, что от него требуется. Ей пришлось вмешаться. Заскорузлые, воспаленные детские ягодички сочлились сукровицей. Подгузник пропах мочой. Кей попыталась его снять, но Робби завопил, ударил ее, вырвался – и, придерживая спущенный подгузник, стремглав понесся обратно. Кей хотела вымыть руки, но не нашла мыла. Стараясь не дышать, она поплотнее закрыла за собой дверь.

Перед тем как спуститься вниз, она заглянула во все три спальни. Из каждой барахло вываливалось в коридор. Кроватей не было; в этом доме спали на матрасах. Робби, видимо, жил в одной комнате с матерью. Среди грязной одежды на полу валялись дешевые пластмассовые игрушки, рассчитанные на младенцев. Кей с удивлением отметила наличие пододеяльника и наволочек.

В гостиной Робби заныл, как прежде, стуча кулачком по башне картонных коробок. Терри глазела на него из-под полуприкрытых век. Перед тем как сесть, Кей отряхнула кресло.

– Терри, если я правильно понимаю, вы состоите на учете в клинике «Беллчепел», где проходите курс лечения метадоном. Это так?

– Мм, – сонно протянула Терри.

– И каков результат, Терри?

Занеся авторучку, Кей выжидала, делая вид, будто результат не сидит перед ней в кресле.

– Вы регулярно являетесь в клинику, Терри?

– На той неделе. В пятницу была.

Робби молотил кулачками по коробкам.

– Можете мне сказать, какую дозу вам вводят?

– Сто писят кубиков, – отчеканила Терри.

Кей не удивило, что Терри знает свою дозу метадона лучше, чем возраст родной дочери.

– Мэтти здесь пишет, что за Робби и Кристал присматривает ваша мать; это по-прежнему так?

Робби всем своим маленьким тельцем бросился на башню коробок, которая опасно качнулась.

– Осторожно, Робби, – не выдержала Кей.

А Терри выдавила:

– Не трожь.

И Кей впервые уловила в ее мертвенном голосе нечто похожее на тревогу.

Робби опять замолотил кулачками по коробкам: очевидно, ему нравился грохот.

– Терри, ваша мать по-прежнему сидит с Робби?

– Не мать, бабка.

– Бабка Робби?

– Да нет, моя. Она того... приболела.

Кей еще раз посмотрела на Робби, держа наготове ручку. Дистрофией он не страдал; во-первых, это было видно невооруженным глазом, а во-вторых, она удерживала его, полуголого, когда вытирала ему попу. Он ходил в нестираной футболке, но волосы, как ни странно, пахли шампунем. На молочно-бледных детских руках и ногах синяков не было. Вот только этот разбухший, непросыхающий подгузник; а ребенку, между прочим, три с половиной года.

– Ням-ням! – выкрикнул мальчик, напоследок бессмысленно стукнув по коробкам. – Ням-ням!

– Печенюшку возьми, – заплетающимся языком выговорила Терри, не двигаясь с места.

Робби теперь истошно вопил и ревел. Терри не сделала попытки встать с кресла. Продолжение беседы стало невозможным.

– Можно, я дам ему печенье? – перекричала его Кей.

– Угу.

Робби побежал впереди Кей на кухню, которая мало чем отличалась от санузла. В ней не было ничего, кроме холодильника, плиты и стиральной машины; всю столешницу занимала грязная посуда, здесь же стояла еще одна полная пепельница, валялись магазинные пакеты и заплесневелые объедки. Подошвы туфель прилипали к линолеуму. Из мусорного ведра вываливались отбросы, придавленные сверху коробкой из-под пиццы.

– Десь, – сказал Робби, тыча пальчиком в навесную полку и не глядя на Кей. – Десь.

За дверцей Кей увидела больше съестных припасов, чем можно было ожидать: какие-то жестянки, пачку печенья, банку растворимого кофе. Достав из пачки два квадратика печенья, она протянула их мальчику; тот выхватил лакомство и побежал к матери.

– Скажи, Робби, тебе нравится в садике? – спросила Кей.

Робби, сидя на полу, мусолил печенье. Он ей не ответил.

– А как же, нравится. – Терри слегка оживилась. – Верно, Робби? Нравится, да.

– Когда он в прошлый раз был в детском саду, Терри?

– Прошлый раз. Вчера.

– Этого не может быть, вчера был понедельник, – заметила Кей. – По понедельникам он не посещает.

– Чего?

– Я задаю вам вопрос про детское учреждение. Сегодня Робби должен быть там. Мне нужно знать, когда он в прошлый раз посещал детский сад.

– Говорю же. Прошлый раз. – Ее глаза открылись шире, чем прежде. Голос по-прежнему оставался бесцветным, но в нем назревала враждебность. – Лесбиянка, что ли?

– Нет, – отрезала Кей, строча в блокноте.

– А похожа, – сказала Терри.

Кей продолжала писать.

– Сок, – потребовал Робби, перемазавшийся шоколадной прослойкой.

На этот раз Кей не двинулась с места. Выдержав очередную длительную паузу, Терри кое-как встала и поплелась в коридор. Тогда Кей подалась вперед и сдвинула крышку жестяной коробки, которую Терри не убрала, садясь в кресло. Содержимое жестянки составляли шприц, неряшливый ком ваты, ржавая ложка и пыльный полиэтиленовый пакет. Под взглядом Робби она плотно закрыла крышку. Терри, позвякав чем-то на кухне, вернулась в комнату с чашкой сока, которую сунула ребенку.

– На, – сказала Терри, обращаясь скорее к инспектору, нежели к сыну, и решила еще посидеть.

С первой попытки она угодила только на подлокотник; Кей услышала удар костлявого зада о деревяшку, но Терри, похоже, не чувствовала боли. В конце концов она сумела опуститься на продавленную подушку и уставилась равнодушным, затуманенным взглядом на инспектора социальной службы.

Перед этим посещением Кей прочла досье от корки до корки. Она уже поняла: если в жизни Терри некогда и было что-то стоящее, это все ушло в черную дыру наркомании; она потеряла двоих детей и теперь из последних сил цеплялась за двоих оставшихся; занималась проституцией, чтобы заработать на дозу; была замешана во множестве мелких правонарушений и в сотый раз пыталась пройти реабилитацию...

Но ничего не чувствовала и ни о чем не тревожилась... «В данный момент, – подумала Кей, – она куда счастливей меня».

III

После большой перемены прошел один урок и начался второй; тут-то Стюарт «Пупс» Уолл и улизнул из школы. На прогул он решился не с бухты-баракты: еще вчера вечером у него созрела мысль промотать сдвоенный урок информатики. В принципе, промотать можно было любой урок, но получилось так, что его лучший друг Эндрю Прайс (более известный как Арф) был в другой группе по информатике, и Пупс, как ни старался, не мог снизить свою успеваемость, чтобы оказаться там же.

Пупс и Эндрю, видимо, в равной степени отдавали себе отчет, что в их отношениях уважение в основном имеет однонаправленный характер: от Эндрю к Пупсу; вместе с тем только Пупс сознавал, что нуждается в Эндрю больше, чем нужен ему сам. В последнее время Пупс начал рассматривать эту зависимость как свою слабость, но рассудил так: если компания Эндрю ему в кайф, а на этом сдвоенном уроке он все равно ее лишен, то можно и свалить.

От доверенного информатора Пупс узнал, что единственный надежный способ смыться с территории школы «Уинтердаун» так, чтобы тебя не засекли из окон, – это перелезть через

стену возле навеса для велосипедов. Так он и поступил, благополучно приземлившись в небольшом переулке с другой стороны. После этого он заспешил прочь по узкой тропинке и свернул влево, на грязную и оживленную главную дорогу.

На безопасном расстоянии уже можно было закутить и не спеша прошвырнуться мимо убогих лавчонок. Через пять кварталов Пупс еще раз повернул влево – туда, где начиналось предместье Филдс. Одной рукой он на ходу ослабил школьный галстук, но снимать не стал. Его ничуть не заботила печать школярства. Пупс никогда не старался замаскировать школьную форму в угоду большинству – не прикалывал к лацканам значки, не завязывал галстук модным узлом; форму он носил с презрением каторжника.

Ошибка, которую допускало девяносто девять процентов человечества, заключалась, с точки зрения Пупса, в том, что люди стыдились быть собой и лгали, выдавая себя за других. Девизом Пупса, его оружием и щитом была честность. Честность пугала окружающих; она повергала их в шок. Но были среди людей и такие, которых, как выяснил Пупс, затянуло болото стеснительности и притворства, страха открыть другим свои принципы, а Пупса привлекали вещи пусть неприглядные, но честные – безыскусность, даже грязिशка, которая унижала и отвращала чистоплюев вроде его папаша. Пупс много размышлял о мессиях и париях, о записных безумцах и преступниках, о благородных неприспособленцах, отвергаемых сонными масками.

Самое сложное, самое достойное – это оставаться собой, даже если ты жесток и опасен, *в особенности* если ты жесток и опасен. Для того чтобы не подавлять в себе животное, тоже требуется храбрость. Хотя чересчур усердствовать и выдавать себя за животное, преувеличивать и кичиться тоже нельзя: стоит единожды ступить на эту дорожку – и ты превратишься в очередного Кабби, притворщика и лицемера. В уме Пупс часто употреблял термины «аутентичный» и «неаутентичный»; в них ему виделся прицельный смысл, направленный, как лазерный луч, и на него самого, и на других. Для себя он решил, что обладает чертами, которые достойны считаться аутентичными, – их следовало поощрять и культивировать, но вместе с тем некоторые аспекты его личности были противны природе, поскольку проистекали из неправильного воспитания, а значит, относились к категории неаутентичных, – эти следовало искоренять. В последнее время он пробовал руководствоваться аутентичными, с его точки зрения, побуждениями и в то же время игнорировать или подавлять такую неаутентичную сущность, как чувство вины и страха, которое, похоже, влекли за собой его действия. Здесь, безусловно, требовалась определенная практика. Он хотел обрести внутреннюю жесткость и неуязвимость, преодолеть боязнь последствий, отбросить туманные понятия «добро» и «зло».

Чем в последнее время раздражала Пупса зависимость от Эндрю, так это прежде всего тем, что своим присутствием тот нередко лимитировал или вовсе пресекал полноту выражения его аутентичного «я». Над Эндрю довлел им же самим выдуманный кодекс порядочности, и Пупс не раз ловил на лице старого друга плохо скрываемое выражение неудовольствия, смущения и разочарования. Эндрю, к примеру, отвергал крайние формы издевок и травли; участие в таких делах было для Эндрю неаутентичным, за исключением тех случаев, когда он бы сам этого захотел – по-настоящему, неодолимо. Вся штука в том, что Эндрю придерживался именно той морали, которой Пупс объявил войну. Пупс подозревал, что для достижения полной аутентичности правильнее всего было бы послать Эндрю куда подальше, причем без всяких сантиментов, но, как ни крути, общество Эндрю было для него предпочтительнее любой другой компании.

Пупс не сомневался, что знает себя досконально; он исследовал все уголки и закоулки своей психики с таким вниманием, какого нынче не уделял ни одной другой проблеме. Часами он расспрашивал себя о своих побуждениях, желаниях и страхах, пытаясь разграничить то, что дано ему от природы, и то, что привнесено воспитанием. Изучив свои привязанности (никто из знакомых – таково было его убеждение – не умел быть честным сам с собой: люди просто

плыли по течению в какой-то полудреме), он пришел к выводу, что самое большое расположение испытывает к Эндрю, которого знает с пяти лет; что сохраняет – так уж получилось – привязанность к матери, хотя с возрастом научился видеть ее насквозь, и что Кабби, символ и оплот неаутентичности, вызывает у него активное презрение.

На своей странице в «Фейсбуке», которую он лелеял, как ничто другое, Пупс выделил цитату, раскопанную на родительских книжных полках:

...Я не хочу «верующих», я полагаю, я слишком злобен, чтобы верить в самого себя... Я ужасно боюсь, чтобы меня не объявили когда-нибудь святым... Я не хочу быть святым, скорее шутом... Может быть, я и есмь шут...⁵

Эндрю она необычайно понравилась, а Пупсу понравилось, что друг ее оценил.

Проходя мимо букмекерской конторы – это заняло считанные секунды, – Пупс обратился мыслями к отцовскому другу, покойному Барри Фейрбразеру. Три размашистых шага – и реальные плакаты с беговыми лошадьми на клочковатой траве уступили мес-то воображаемому портрету бородатого живчика Барри и такому же воображаемому смеху Кабби, радостно встречавшему не столько плоские шуточки Барри (тот порой даже не успевал сострить), сколько само присутствие бородача. Здесь Пупс пресек эту тему и не стал расспрашивать себя, почему вдруг инстинктивно содрогнулся; он даже не задался вопросом, был покойник аутентичной личностью или нет; выкинув из головы и Барри Фейрбразера, и абсурдные переживания отца, он просто зашагал дальше. Почему-то в последнее время Пупсу было тоскливо, хотя одноклассников он веселил, как прежде. Он ведь не просто так стремился сбросить оковы морали, а лишь для того, чтобы восстановить все то, что в нем подавили, все, что он растерял, когда вышел из детства. Пупс хотел восстановить своего рода невинность и проторил к ней путь сквозь те качества, которые считались вредными, но, как ни парадоксально, виделись Пупсу единственно надежными вехами на подступах к аутентичности, к некой чистоте. Любопытно, в самом деле, как часто все истины оказывались вывернутыми наизнанку и противоречили тому, что ему вдалбливалось; Пупс даже стал думать, что истина – это и есть житейская мудрость, поставленная с ног на голову. Его влекли темные лабиринты и неслыханные препоны, что маячили внутри; он хотел расколоть благодравие и разоблачить ханжество; хотел смести запреты, чтобы выжать знание из их кровавого нутра; хотел обрести дар аморальности, пройти крещение неискусшенностью и простотой.

Потому-то он и решил сегодня нарушить одно из немногих еще не поправленных им правил школьного распорядка и свалил с уроков, чтобы наведаться в Поля. Дело было не только в том, что грубый пульс жизни бился там ближе к поверхности, чем в других известных ему местах; помимо всего прочего, у него теплилась надежда встретить кое-кого из пресловутых личностей, вызывавших его любопытство, а еще (только он в этом себе не признавался, потому как, вопреки обыкновению, не находил нужных слов) он искал открытую дверь, и смутное припоминание, и вход в свое – но не свое – жилище.

Двигаясь не в материнском автомобиле, а на своих двоих мимо домов цвета оконной замазки, он отметил, что граффити чернеют далеко не на всех стенах, что строительный мусор валяется далеко не везде и что некоторые здания подражают (с его точки зрения) благопристойности Пэгфорда: те же тюлевые занавески на окнах и безделушки на подоконниках. Из машины его взгляд сам собой падал на заколоченные досками проемы и захламленные лужайки. Аккуратные дома были ему неинтересны. Пупса привлекали хаос и беззаконие, пусть даже сотворенные мальчишескими руками при помощи баллончика с краской.

Где-то поблизости (точного адреса он не знал) жил Дейн Талли. Семья Талли считалась неблагополучной. Двое старших братьев и папаша годами не вылезали из тюрьги. Поговаривали, будто не так давно у Дейна были разборки с каким-то девятнадцатилетним парнем, так

⁵ Цитата из сочинения Фридриха Ницше «Ессе Номо» (пер. Ю. Антоновского).

отец отправился вместе с ним на стрелку и отметелил старших братьев обидчика. Талли пришел на урок с изрезанной физиономией, распухшей губой и подбитым глазом. Поскольку в школе он появлялся редко, все решили, что ему просто захотелось продемонстрировать боевые ранения.

Пупс не сомневался, что на его месте повел бы себя иначе. Торговать разбитым лицом – это ведь неаутентично. Пупс хотел бы подраться и преспокойно жить дальше; узнать о его подвигах мог бы лишь случайный свидетель.

Сам он никогда не получал по морде, хотя в последнее время все чаще нарывался. У него нередко возникал вопрос: какое будет ощущение, если ввязаться в драку? Он догадывался, что аутентичность включает (точнее, не исключает) насилие. Готовность бить и держать удар была для него той формой мужества, к которой он хотел бы прийти. Ему не доводилось пускать в ход кулаки – до сих пор хватало языка, но теперь он презирал хлесткость речи и восхищался аутентичной брутальностью. В том, что касалось холодного оружия, Пупс рассуждал более осмотрительно. Если сейчас приобрести финку и не таясь носить с собой, это будет вопиюще неаутентичным актом, жалким подражанием Дейну Талли и ему подобным; Пупс ни под каким видом не стал бы обезьянничать. Но если настанет такой момент, когда волей-неволей придется обзавестись ножом, это будет совсем другое дело. Пупс этого не исключал, хотя признавался себе, что такая перспектива ему не по нутру. Его пугали предметы, способные пронзить плоть: иглы, лезвия. Когда их еще в подготовительной школе Святого Фомы возили на прививку от менингита, он единственный грохнулся в обморок. Эндрю давно обнаружил, что один из немногочисленных способов вывести Пупса из равновесия заключается в том, чтобы открыть при нем адреналиновую шприц-ручку «Эпипен», с которой Эндрю не расставался из-за тяжелой аллергии на арахис. У Пупса начиналась дурнота, когда Эндрю, размахивая этим инструментом, делал вид, что сейчас его уколёт.

Пупс брел куда глаза глядят и вдруг заметил указатель: «Фоули-роуд». Там жила Кристал Уидон. Он был далеко не уверен, что она сейчас в школе, и не собирался показывать, что ради нее притащился в этот район. У них была договоренность на вечер пятницы. Родителям он сказал, что пойдет к Эндрю, потому что им задали совместный проект по английскому. Кристал, надо думать, понимала, зачем он назначил встречу, и, похоже, не возражала. Она и раньше разрешала ему запускать руку ей в трусы; его пальцам было горячо, упруго и скользко у нее внутри, а еще ему позволялось расстегивать ей лифчик и брать в руки тяжелые, теплые груди.

В свое время Пупс выдернул ее с рождественской дискотеки и под изумленными взглядами Эндрю и прочих повел в укромное местечко за театральным залом. Она, судя по всему, поразилась не менее других, но, как он и рассчитывал, особо сопротивляться не стала. Пупс сделал вполне осознанный выбор и даже приготовил хладнокровные, циничные ответы на подковы и насмешки одноклассников. «Все вы тут эгоисты, а я – альтруист». Он отрепетировал свою реплику заранее, но все равно пришлось растолковывать открытым текстом: «Это вы, дети, привыкли дрочить. А мне мохнатка нужна».

Улыбочки как рукой сняло. Он видел: все, включая Эндрю, проглотили языки, когда доперли, что он внаглую шел к цели – к единственной стоящей цели. Вне сомнения, Пупс выбрал кратчайший путь, обнаружив завидную практичность, и теперь каждый спрашивал себя: почему ему самому не пришло в голову такое простое решение проблемы?

– Сделай одолжение, не проболтайся моей матушке, хорошо? – Пупс прервался, чтобы отдышаться после длительного, мокрого исследования ее рта; пальцы его по-прежнему теребили соски Кристал.

Она ответила полуухмылкой и поцеловала его более агрессивно. Ей не пришло в голову спросить, почему он выбрал именно ее; она вообще не задавала вопросов; похоже, ей, как и ему, нравилось шокировать свою компашку и наблюдать смущение, а то и молчаливое отвра-

щение других. Во время трех последующих сеансов плотских исследований и экспериментов они с Кристал также почти не разговаривали. Инициатором уединения всякий раз выступал Пупс, но она стала еще более покладистой и старалась появляться там, где ее проще было найти. Впрочем, пятничное свидание обещало быть другим: они назначили его заранее. Он уже купил пачку презервативов.

Нетерпение развлечься по-взрослому сыграло не последнюю роль в том, что он промотал школу и заявился в Филдс, хотя на уме у него была не сама Кристал, а ее шикарные сиськи и манящая неохраняемая вагина; впрочем, табличка с названием улицы что-то неуловимо изменила.

Пупс развернулся и закурил очередную сигарету. Из-за этой таблички у него возникло странное ощущение, что его визит будет не ко времени. Сегодня предместье выглядело простецким и непроницаемым, а то, что он хотел найти и с первого взгляда опознать, таилось неизвестно где, скрытое от глаз. Поэтому он вернулся в школу.

IV

На телефонные звонки никто не отвечал. Сидя в Отделе по охране детства, Кей битых два часа нажимала на кнопки и оставляла голосовые сообщения с просьбой перезвонить: сначала хотела застать участковую патронажную сестру Уидонов, потом их семейного врача, вслед за тем принялась названивать в кентермиллский детский сад и, наконец, в наркологическую клинику «Беллчепел». Перед ней лежало открытое досье Терри Уидон, толстое и потрепанное.

– Опять сорвалась? – спросила Алекс, одна из тех, с кем Кей делила офис. – Теперь «Беллчепел» с ней расстанется. Она твердит, что боится потерять Робби, но его заберут в приют, раз она взялась за старое.

– Они в третий раз пытаются ее вытащить, – добавила Уна.

На основании своих наблюдений Кей заключила, что дело Уидонов нуждается в пересмотре, а для этого требовалось провести совещание всех специалистов, ответственных за различные стороны жизни Терри Уидон. То и дело нажимая на «повтор», Кей не отрывалась от бумаг, а в углу трезвонил офисный телефон, автоматически переключаемый на автоответчик. Отделу по охране детства отвели тесный и неудобный офис; к тому же здесь пахло прокисшим молоком, потому что Алекс и Уна взяли манеру выливать опивки из своих кофейных кружек в единственный цветочный горшок, где тосковала задвинутая в угол юкка.

В последнее время Мэтти вела записи небрежно, бессистемно, с помарками, путая даты. В досье отсутствовали кое-какие важные документы – например, двухнедельной давности справка из наркологической клиники. Быстрее было выяснить необходимые сведения у Алекс и Уны.

– Последний пересмотр дела был... – Алекс укоризненно посмотрела на юкку, – по моему, больше года назад.

– Тогда, видимо, все сочли, что Робби целесообразно оставить с матерью, – заключила Кей, прижимая трубку плечом к уху и отыскивая прошлогодние документы.

– Вопрос не так ставился: они решали, вернуть ей ребенка или нет. Для него нашли приемную мать, когда Терри была избита клиентом и угодила в больницу. Она перестала колотиться, вышла и стала как безумная добиваться возвращения сына. Повторно записалась в «Беллчепел» на курс реабилитации, из кожи вон лезла, даже не кололась. Ее мать обещала свою помощь. Так что Робби ей вернули, но ее хватило только на пару месяцев.

– На самом деле эта женщина, помощница, ей не мать, вы в курсе? – спросила Кей, у которой уже разболелась голова от расшифровки крупного, но неразборчивого почерка Мэтти. – Это ее бабка, то есть детям она прабабка. Что-то здесь не сходится; к тому же Терри сегодня утром сказала, что та приболела. То есть уход за детьми сейчас полностью лежит на Терри.

– У нее дочке шестнадцать лет, – отозвалась Уна. – Робби в основном на ней.

– Не сказала бы, что она блестяще справляется, – заметила Кей. – Сегодня утром он был в плачевном состоянии.

Впрочем, видала она и похуже: рубцы и язвы, порезы и ожоги, черные синяки, чесотку, вшивость, грудничков, валявшихся на полу в собачьем дерьме, малышей с переломанными конечностями; был даже мальчик, пятеро суток просидевший в запертом кухонном шкафу по милости психа-отчима (этот кошмар до сих пор преследовал ее по ночам). Ребенка тогда по всем каналам показывали. Непосредственную угрозу жизни Робби Уидона представляла пирамида тяжелых коробок, на которую он собирался вскарабкаться, когда понял, что это привлекает безраздельное внимание Кей. Перед уходом она с осторожностью разделила один высокий штабель на два низких. Терри это не понравилось, равно как и требование сменить сыну мокрый подгузник. Терри, можно сказать, пришла в ярость и разразилась грязной, нечленораздельной бранью, а напоследок велела Кей уматывать и больше не попадаться ей на глаза.

У Кей задрезбезжал мобильник. Звонили из наркологической клиники.

– Вас не застать на рабочем месте, – напустилась на нее женщина-нарколог, лечащий врач Терри; Кей пришлось долго объяснять, что она здесь человек временный, но это не возымело действия. – Да, она у нас появляется, но на прошлой неделе ее пробы дали положительный результат. Если это еще хоть раз повторится, мы прервем курс. У нас на очереди двадцать человек, каждый из которых может вписаться в программу вместо нее, и, вероятно, с большей пользой. Она уже в третий раз срывается.

О своих утренних наблюдениях Кей умолчала.

– Девочки, у вас парацетамола не найдется? – обратилась она к Алекс и Уне, выслушав все жалобы на уклонение Терри от лечения и отсутствие у нее положительной динамики.

Она запила таблетку остывшим чаем, не найдя в себе сил сходить за стаканом воды в коридор, где стоял кулер. В офисе было душно, радиатор отопления жарил на полную мощность. Когда солнечные лучи за окном померкли, лампа дневного света у нее над столом разгорелась сильнее; груда бумаг приняла желтоватый оттенок, а жужжащие черные слова выстроились в нескончаемые строчки.

– Вот увидишь, клинику «Беллчепел» прикроют. – Уна работала за компьютером спиной к Кей. – Всюду идут сокращения. Из местного бюджета и так оплачивается только одна ставка нарколога. Здание принадлежит Пэ́рфордскому приходу. Я слышала, его собираются подремонтировать и сдать более выгодному арендатору. Эта клиника уже не первый год на ладан дышит.

У Кей стучало в висках. От одного названия ее нового места жительства ей становилось тоскливо. Машинально она сделала то, на чем поставила крест вчера вечером: взяла свой мобильный и набрала служебный номер Гэвина.

– Компания «Эдвард Коллинз», – ответил после третьего гудка женский голос.

Обычно в частном секторе на звонки отвечали сразу, потому что промедление стоило денег.

– Можно Гэвина Хьюза, будьте любезны, – выговорила Кей, уставившись в досье Терри.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Кей Боден, – ответила она, не поднимая взгляда.

Ей не хотелось встречаться глазами с Алекс и Уной. Пауза невыносимо затягивалась.

(Познакомились они в Лондоне, на дне рождения у брата Гэвина. В той компании Кей не знала никого, кроме своей подруги, которая притащила ее с собой для моральной поддержки. Гэвин в ту пору только что расстался с Лизой; он был слегка навеселе, но держался в рамках и выглядел надежным, приличным человеком, то есть совершенно не в ее вкусе. Он пересказал ей весь свой неудачный роман, а затем проводил домой, в Хэ́кни, и остался на ночь. Пока их разделяло расстояние, он проявлял настойчивость, приезжал на выходные, регулярно звонил,

но, когда она по счастливой случайности нашла место в Ярвиле, пусть даже с понижением оклада, и выставила на продажу свою квартиру в Хэкни, он, похоже, испугался...)

– Его номер занят; вы согласны подождать?

– Да, – удрученно ответила Кей.

(Если не выяснить отношения... но откладывать тоже нельзя. Ради него она уехала из Лондона, сменила работу, сдернула из школы дочку – все ради него. Не будь у него серьезных намерений, разве он бы такое допустил? Наверняка он просчитал и последствия возможного разрыва, который повлек бы за собой массу неловкостей и неудобств, потому что в маленьком городке им волей-неволей пришлось бы сталкиваться чуть ли не каждый день.)

– Соединяю, – сказала секретарша, и у Кей затеплилась надежда.

– Привет, – заговорил Гэвин. – Как жизнь?

– Прекрасно, – солгала Кей, потому что Уна и Алекс наострили уши. – Как работа продвигается?

– Дел по горло, – сказал Гэвин. – А у тебя?

– У меня тоже.

Прижимая трубку к уху, она изображала, будто поглощена разговором, но слышала только молчание.

– Я подумала – можешь, заглянешь вечерком? – выдавила наконец Кей, хотя ее уже тошнило.

– Мм... не знаю, смогу ли выбраться, – ответил он.

«Как ты можешь не знать? Или у тебя есть кое-что получше?»

– Тут такое дело... звонила Мэри. Жена Барри. Просит, чтобы я нес гроб. Так что мне, вероятно, придется... Наверное, придется вечером съездить узнать, что от меня потребуется и все такое.

Иногда ей достаточно было просто выдержать паузу, чтобы до него дошла нелепость таких отговорок: он смущался и отыгрывал назад.

– Хотя это не займет много времени, – сказал он. – Если хочешь, встретимся, только попозже.

– Ну ладно тогда. У меня? А то мне завтра рано вставать.

– Мм... Да, хорошо.

– В котором часу? – Пусть хотя бы одно решение примет сам.

– Не знаю... в районе девяти?

Когда раздалась короткая гудка, Кей еще подержала трубку возле уха, а потом сказала в расчете на Уну и Алекс:

– Я тебя тоже. До скорого, милый.

V

У Тессы, школьного психолога, расписание было более гибким, чем у ее мужа. Как правило, после уроков она отвозила их сына домой на своем «ниссане», а Колин (которого Тесса никогда не называла Кабби, хотя знала, что остальной мир – включая даже родителей, которые переняли эту манеру у своих детей, – именует его только так) проводил в школе еще час-другой и приезжал следом на «тойоте». Но сегодня Колин подждал Тессу на парковке уже в двадцать минут пятого, когда ученики еще толпились у калитки и рассаживались по родительским автомобилям или школьным автобусам.

Над головой серо-стальным щитом изогнулось небо. Резкий ветер ворошил сухую листву и задирали юбки; он коварно выбирал самые уязвимые места – шею, колени; он не позволял задуматься и немного отвлечься от повседневности. Даже спрятавшись от него в машине, Тесса

чувствовала себя какой-то взъерошенной и нервной, словно кто-то чуть не сбил ее с ног и не извинился.

Колин сидел на пассажирском месте, в тесноте, высоко задрал колени; он спешил выплеснуть те сведения, которые двадцать минут назад получил от учителя информатики.

– ...Его не было. Пропустил сдвоенный урок целиком. Этот – сразу ко мне в кабинет. Завтра в учительской только и разговоров будет. А ему это и нужно! – кипел от негодования Колин, и Тесса поняла, что речь уже идет не об учителе. – Лишь бы меня прилюдно опозорить.

Ее муж побледнел от изнеможения, под красными глазами пролегли темные тени, руки теребили портфель. Прекрасные руки: крупные суставы, длинные изящные пальцы – почти такие же, как у их сына. Недавно Тесса поделилась с ними своим наблюдением, но ни одного ни другого нисколько не обрадовало известие о физическом сходстве.

– Не думаю, что он... – начала Тесса, но Колин не слушал:

– ...Будет оставлен после уроков, на общих основаниях, и еще дома от меня получит. Посмотрим, как он тогда запоет. Посмотрим, как он развеселится. Для начала пусть неделю отсидит дома – посмотрим, как ему это понравится.

Прикусив язык, Тесса разглядывала поток одетых в черное школьников: понурые головы, лезущие в рот волосы, плотно запахнутые тонкие пальтишки. Щекастый первоклашка растерянно оглядывался по сторонам, не понимая, почему за ним еще не приехали. Толпа поредела, и тут показался Пупс, который шагал, как всегда, рядом с Арфом Прайсом, подставляя худощавое лицо ветру. При определенных поворотах головы, при определенном освещении нетрудно было представить, каким будет Пупс, когда состарится. От усталости Тессе вдруг показалось, что он совсем чужой; она даже удивилась, когда он свернул к машине, и подумала, как ей не хочется вылезать на злющий, невообразимый ветер, чтобы только пропустить этого незнакомца на заднее сиденье. Но когда он, подойдя вплотную, одарил ее кривой полуулыбкой, она тут же узнала в нем своего любимого – несмотря ни на что – мальчика и, пока он усаживался сзади, стойчески перетерпела острые, как нож, порывы ветра; отец не шелохнулся.

Опередив три автобуса, они выехали со стоянки, пересекли из конца в конец городок Ярвил, потом жутковатое, убогое предместье Филдс и вывернули на окружную дорогу, чтобы сократить путь до Пэгфорда. Тесса наблюдала за Пупсом в зеркало заднего вида. Ссутулившись, он смотрел в окно, как будто оказался в этой машине случайным попутчиком.

Колин дождался, когда они выедут на окружную, и только тогда спросил:

– Где ты был во время урока информатики?

Тесса еще раз невольно покосилась в зеркало. Сын зевнул. Хотя она и не переставала убеждать мужа в обратном, ей подчас казалось, что Пупс и впрямь начал войну против отца на виду у всей школы. До нее, как до школьного психолога, доходили такие подробности, о которых она бы сама не догадалась; ученики чего только не говорили, кто невинно, кто с умыслом.

Мисс, а Пупсу можно курить? Он и дома курит?

Свою тайную добычу, которая сама шла в руки, она хранила в особых запасниках, не пуская туда ни мужа, ни сына, хотя несла это гнетущее бремя с трудом.

– Гулять ходил, – спокойно ответил Пупс. – Ноги размять.

Колин неуклюже обернулся; его сковывали не только натянувшийся ремень безопасности, но и портфель, и пальто. Он сорвался на крик. В подобных случаях тон его голоса становился все выше и выше, переходя почти что в фальцет. Пупс сидел молча, кривил губы в дерзкой ухмылке и довел отца до того, что тот перешел к оскорблениям, хотя бранился крайне редко и потом долго себя корил.

– Самодовольный, наглый го... гаденыш! – вскричал он, и Тесса, которая из-за наворачившихся слез плохо видела дорогу, сразу представила, как завтра утром Пупс начнет передразнивать эту безобидную визгливую ругань, чтобы посмешить Эндрю Прайса.

До чего прикольно Пупс изображает походку Кабби – вы видели, мисс?

– Как ты смеешь мне дерзить? Как ты смеешь прогуливать?

Колин уже не мог остановиться; Тесса, смахнув слезы, свернула в Пэгфорд, пересекла главную площадь, миновала кулинарию «Моллисон энд Лоу», военный мемориал и «Черную пушку», обогнула церковь Архангела Михаила и Всех Святых, оказалась на Черч-роу и в конце концов припарковалась на подъездной дорожке у дома; все это время Колин, не умолкая, визгливо кричал и даже охрип; у Тессы щеки стали мокрыми и солеными от слез. Они вышли из машины; Пупс открыл своим ключом парадную дверь и неторопливо поднялся к себе в комнату, ни разу не оглянувшись.

В темной прихожей Колин швырнул портфель на пол и обрушился на Тессу. Сноп света, падавший сквозь витражное оконце над дверью, прихотливо окрашивал его взволнованную, круглую, лысеющую голову то в кроваво-красный, то в мертвенно-голубой цвет.

– Теперь ты видишь? – кричал он, размахивая длинными руками. – Нет, ты видишь, с чем я вынужден иметь дело?

– Вижу. – Она вытащила из коробки под зеркалом большой ком бумажных салфеток, вытерла лицо и высморкалась. – Да, вижу.

– Он на нас плюет!

Тут Колин и сам разрыдался, громко и сухо кашляя, как ребенок с крупозным воспалением легких. Тесса бросилась к нему и обхватила руками на уровне пояса – маленькая и пухлая, она при всем желании не дотянулась бы выше. Он склонился к жене; она чувствовала, как сотрясается под пиджаком его грудь.

Через несколько минут, осторожно высвободившись, она повела его на кухню и заварила чай.

– Я приготовила для Мэри рагу, надо отнести, – немного погодя сказала Тесса, глядя его по руке. – У нее в доме остановилась половина всей родни. Я скоро вернусь, и мы с тобой пораньше ляжем спать.

Он кивнул и шмыгнул носом; Тесса поцеловала его в висок, направляясь в чулан, где стоял морозильник. Когда она вернулась с тяжелой обледенелой жаропрочной кастрюлей, муж сидел за столом в той же позе, сжимая в своих больших ладонях кружку и зажмурившись.

Тесса поместила кастрюлю в полиэтиленовый пакет и оставила на кафельном полу в прихожей. Затем она надела мешковатый зеленый кардиган, частенько заменявший ей куртку, но переобуваться не стала. Вместо этого она в мягких тапках неслышно пошла вверх по лестнице, а потом, ступая более свободно, поднялась еще на один пролет, в мансарду. За дверью послышалась торопливая возня. Тесса постучалась, давая Пупсу возможность свернуть на мониторе все окна и, возможно, спрятать сигареты, о которых она якобы не знала.

– Да?

Она приоткрыла дверь. Сын, сидя на корточках, с показной сосредоточенностью рылся в школьном рюкзаке.

– Ты другой день не мог выбрать, чтобы прогулять урок?

Пупс выпрямился; худой и длинный, он возвышался над матерью.

– Да был я на этом уроке. Просто немного опоздал. Беннетт меня не отметил. Придурок.

– Стюарт, прошу тебя. Пожалуйста!

У себя в школьном кабинете ей подчас приходилось сдерживаться, чтобы не повышать голос. Вот и сейчас она готова была начать.

«Ты должен принять реальность других людей. Тебе кажется, что реальность – это предмет для переговоров, что она будет для нас такой, как ты скажешь. Ты должен принять, что мы столь же реальны, как и ты; ты должен принять, что ты не Господь Бог».

– Отец страшно переживает, Стю. Из-за Барри. Ты это понимаешь?

– Да.

– Представь: это все равно что ты бы потерял Арфа.

Он не ответил; выражение его лица почти не изменилось, но она уловила издевательскую насмешку.

– Я знаю, ты считаешь, что вы с Арфом и отец с Барри – это небо и земля...

– Нет, – сказал Пупс, но, как она поняла, лишь для того, чтобы отделаться.

– Мне сейчас нужно сходить к Мэри, отнести кое-что из еды. Умоляю, Стюарт, в мое отсутствие не огорчай отца еще больше. Прошу тебя, Стю.

– Ну хорошо, – ответил он с полуухмылкой-полуужимкой.

Она почувствовала, что его мысли – не успела она закрыть дверь – стрижами упорхнули совсем в другую сторону.

VI

При свете дня злобный ветер разогнал низкие тучи и с закатом умер. Через три дома от Уоллов, в доме Моллисонов, Саманта под сильной лампой разглядывала свое отражение в зеркале трюмо, тяготясь тишиной и неподвижностью.

Последние два-три дня повергли ее в расстройство. Продажи были, по сути, на нуле. Торговый представитель фирмы «Шанпетр» – как оказалось, мордастый, грубый тип – приволок с собой целый саквояж отвратных бюстгальтеров. Видимо, все свое обаяние он растратил на предварительные переговоры, потому как при встрече повел себя деловито и свысока, стал хаять ее ассортимент и навязывать свой товар. Она ожидала увидеть кого-нибудь более юного, рослого и сексуального; с первой же минуты переговоров ей не терпелось выставить его с этим бараклом из своего бутика.

В обеденный перерыв она купила для Мэри Фейрбазер открытку с надписью «Искренние соболезнования» и теперь пыталась придумать что-нибудь от себя, ведь после той кошмарной поездки в больницу одной лишь собственноручной подписи явно было бы недостаточно. Близкими подругами они никогда не были. Пэгфорд – городок небольшой, тут все друг с другом здоровались, но на самом деле они с Майлзом совершенно не знали Мэри и Барри. Можно даже сказать, они принадлежали к противоположным лагерям, потому что Говард и Барри вечно конфликтовали из-за предместья Филдс... Саманта этими проблемами не заморачивалась. Политические дразги местного значения ее не трогали.

Измученная, раздраженная, она весь день кусочничала, чтобы поднять себе настроение, и отнюдь не горела желанием идти к свекрови на ужин. Уставясь в зеркало, она приплюснула щеки ладонями и стала осторожно оттягивать назад. Отражение постепенно молодело. Поворачивая лицо так и этак, Саманта изучала тугую маску. Так лучше, намного лучше. Интересно, во что это встанет; долго ли придется мучиться; сможет ли она рискнуть. Нетрудно было представить, что скажет свекровь, завидев Саманту с новым, упругим лицом. Ширли не упускала случая напомнить, что они с Говардом помогают оплачивать образование внучек.

В спальню вошел Майлз; Саманта отпустила щеки и взялась за корректор для области глаз; откинув назад голову, как перед нанесением макияжа, она обработала мешки под глазами. Но в углах губ оставались тонкие, как иголки, короткие морщины. Их можно было выровнять – она читала – какими-то инъекциями. Неизвестно еще, будет ли желаемый эффект, но всяко дешевле, чем подтяжка, да и Ширли, глядишь, не заметит. В зеркале она видела, как Майлз снимает галстук и рубашку; внушительный живот нависал над офисными брюками.

– У тебя ведь деловая встреча была назначена? С каким-то представителем? – вспомнил он.

Лениво почесывая волосатый пуп, он уставился в платяной шкаф.

– А толку-то что? – отозвалась Саманта. – Дерьмо полное.

Майлзу нравился род ее деятельности: в той среде, где он вырос, розничная торговля считалась единственно достойным занятием, и Майлз с подачи отца всегда с уважением отно-

сился к коммерции. А кроме того, бизнес Саманты давал ему повод для колкостей и более грубоватых форм самоутверждения. Майлзу не надоедало отпускать одни и те же шуточки и двусмысленности.

– Чашечки не подошли? – со знанием дела осведомился он.

– Фасоны не подошли. Цвета жуткие.

Саманта стянула густые каштановые волосы на затылке, не сводя глаз с Майлза, который переодевался в модные хлопчатобумажные штаны и рубашку поло. Она вся была на нервах и от малейшей провокации могла вспылить или расплакаться.

До Эвертри-Кресент было рукой подать, но, чтобы не преодолевать крутой подъем, они поехали на машине. Быстро темнело; на вершине холма они обогнали какого-то пешехода, фигурой и движениями точь-в-точь похожего на Барри Фейрбразера; Саманта даже вздрогнула и оглянулась. Их машина свернула влево, и через минуту – да, никак не больше – они уже притормозили у полумесяца одноэтажных домов постройки тридцатых годов прошлого века.

Как у парадного фасада, так и на заднем дворе принадлежащего Ширли и Говарду коттеджа, невысокого кирпичного строения с широкими окнами, зеленели обширные газоны, которые летом Майлз подстригал аккуратными полосками. За долгие годы здесь появились фонари под старину, белая чугунная калитка, а по бокам от входной двери – терракотовые вазоны с геранью. Но главное, рядом с дверным звонком висела круглая плакетка полированного дерева, на которой готическим шрифтом, да еще в кавычках, было начертано: «Эмблсайд».

Саманта иногда язвила по поводу дома родителей мужа. Майлз терпел ее насмешки, по умолчанию признавая, что у них с Самантой, в доме с ламинатными настилами и дверями, с коврами на голых досках, с репродукциями в рамах, с модным, но неудобным диваном, заметен более утонченный вкус, но в глубине души он отдавал предпочтение этому коттеджу, где прошло его детство. Там почти все поверхности были накрыты чем-нибудь мягким и ворсистым, там не гуляли сквозняки, а кресла были на редкость удобны. По окончании стрижки газонов Ширли каждый раз подавала ему холодное пиво, и он устраивался в каком-нибудь из этих кресел, чтобы посмотреть крикет на огромном экране. Иногда к нему подсаживалась одна из дочек и лакомилась мороженым, политым шоколадным сиропом, который специально готовила для внучек бабушка Ширли.

– Здравствуй, солнышко, – сказала Ширли, открыв дверь.

Приземистым, компактным телосложением она напоминала маленькую аккуратную перчатницу в фаргучке с растительным узором. Ширли привстала на цыпочки, чтобы рослый сын ее поцеловал, потом бросила: «Здравствуй, Сэм» – и тут же отвернулась.

– Ужин почти готов. Говард! Майлз и Сэм пришли!

В доме пахло мебельным воском и аппетитной едой. Говард появился из кухни с бутылкой вина в одной руке и штопором в другой. Отработанным движением Ширли незаметно попятилась в столовую, пропуская вперед Говарда, занимавшего почти всю ширину коридора, а потом засемила в кухню.

– Вот они, добрые самаритяне, – захохотал Говард. – Как твой корсетный бизнес, Сэмми? Грудью встает против спада?

– И принимает заманчивые формы, Говард, – ответила Саманта.

Говард захохотал; и Саманта не сомневалась, что он хлопнул бы ее по заднице, не будь у него в руках бутылки и штопора. Она прощала свекру эти мелкие щипки и шлепки – безобидные заигрывания пожилого мужчины, который из-за своей толщины на большее не способен; к тому же они раздражали его жену Ширли – одно это уже не могло не радовать Саманту. Ширли никогда не выражала свое недовольство в открытую; улыбка ее не меркла, сладкоречивый голос не срывался, но после каждой сальной выходки Говарда она непременно бросала в свою невестку дротик, замаскированный цветным оперением. Она сетовала, что плата за обучение девочек постоянно растет, заботливо справлялась насчет диеты Саманты, уточняла,

согласен ли Майлз, что у Мэри Фейрбразер точеная фигурка; Саманта терпела, улыбалась, но после выдавала Майлзу по полной программе.

– Кого я вижу: Мо! – воскликнул Майлз, входя перед Самантой в комнату, которую в этом доме называли салоном. – Не знал, что ты тут будешь!

– Привет, красавчик, – отвечала Морин низким, скрипучим голосом. – А поцеловать?

В углу дивана с рюмочкой хереса в руке сидела деловая партнерша Говарда. Она пришла в ярко-розовом платье, темных чулках и туфлях на шпильках. Иссиня-черные волосы были высоко взбиты и залиты лаком; на бледном обезьяньем личике вызывающе розовел густо накрашенный рот, который вытянулся в трубочку, когда Майлз наклонился, чтобы чмокнуть ее в щеку.

– Мы все в делах. Кафе открываем. Привет, Сэм, лапушка, – спохватилась Морин и похлопала рядом с собой по дивану. – Ой, какая красотулечка, загар шикарный, неужели это еще после Ибицы? Посиди со мной. Могу представить, что вы пережили в гольф-клубе. Вот ужас-то.

– Ох, не говорите, – сказала Саманта.

И впервые получила возможность хоть кому-то рассказать, как умирал Барри; все это время Майлз стоял у нее над душой, готовый в любой момент перехватить инициативу. Говард разливал в большие бокалы «пино гриджо», не упуская ни слова из ее рассказа. Мало-помалу, подогреваемая снаружи интересом Говарда и Морин, а изнутри – успокоительным теплом винного букета, Саманта стряхнула напряжение, не отпускаявшее ее двое суток, и расцвела от хрупкого ощущения благополучия.

В теплой гостиной царил безупречный порядок. На стеллажах по обеим сторонам газового камина красовались фарфоровые безделушки, почти сплошь – сувениры в честь знаменательных дат королевской семьи, в частности юбилеев Елизаветы II. В углу стоял небольшой книжный шкаф, где биографии венценосных особ соседствовали с глянцевыми кулинарными изданиями, которые уже не помещались в кухне. Как на полках, так и на стенах было множество фотографий: из сдвоенной рамочки улыбались Майлз и его младшая сестра Патриция в одинаковых школьных джемперах; Лекси и Либби, дочери Майлза и Саманты, изображались во множестве видов, от младенчества до юности. В этой семейной галерее Саманта фигурировала только один раз, но зато на самом видном месте: на их с Майлзом большом свадебном фото шестнадцатилетней давности. Майлз, молодой и красивый, в упор смотрел на фотографа, щуря пронзительно-голубые глаза; у Саманты глаза были полузакрыты – она неудачно моргнула, да еще и повернула голову; при таком ракурсе улыбка ее напоминала о себе только двойным подбородком. Белое атласное платье натянулось на груди, разбухшей на ранних сроках беременности, отчего фигура казалась необъятной.

Тощая, похожая на клешню рука Морин играла с цепочкой, всегда болтавшейся у нее на шее; кулонами служили обручальное кольцо покойного мужа и распятие. Когда Саманта добралась до того, как докторша объявила Мэри, что медицина бессильна, Морин положила свободную руку ей на колено и стиснула пальцы.

– Кушать подано! – прокричала Ширли.

Хотя Саманта шла сюда через силу, ей сейчас было легче, чем за прошедшие два дня. Морин и Говард обращались с ней как с героиней и одновременно пострадавшей; оба нежно похлопали ее по спине, пропуская в столовую.

Ширли приглушила свет и зажгла длинные розовые свечи, в тон обоям и парадным салфеткам. От глубоких тарелок в полумраке поднимался пар, отчего даже широкое румяное лицо Говарда приобрело потусторонний вид. Осушив свой бокал почти до дна, Саманта подумала, что Говард мог бы объявить спиритический сеанс, дабы услышать версию самого Барри о событиях в гольф-клубе.

– Ну что ж, – глубоким голосом сказал Говард, – думаю, мы должны почтить память Барри Фейрбразера.

Саманта торопливо поднесла свой бокал к губам, чтобы Ширли, чего доброго, не заметила, что его содержимое почти полностью оприходовано.

– По всей видимости, у него была аневризма, – объявил Майлз, как только бокалы опустились на скатерть.

Он утаил эту подробность даже от Саманты и был очень доволен, потому что иначе она бы первой выложила ее Морин и Говарду.

– Гэвин позвонил Мэри, чтобы выразить соболезнования от лица фирмы и коснуться вопроса о завещании; Мэри все подтвердила. Если коротко, у него в голове набухла и лопнула артерия. – (После звонка Гэвина он первым делом выяснил у своих подчиненных, как пишется это слово, а затем посмотрел его в интернете.) – Это могло произойти в любой момент. Врожденная предрасположенность.

– Кошмар, – вздохнул Говард и, заметив, что бокал Саманты пуст, стал тяжело выбираться из кресла, чтобы это исправить.

Ширли, вздернув брови чуть ли не до линии волос, некоторое время поглощала бульон. Назло ей Саманта хлебнула еще вина.

– Представляете, – выговорила, она слегка запинаясь, – мне показалось, я его видела по дороге сюда. В темноте. Барри.

– Наверняка это был кто-то из его братьев, – процедила Ширли. – Все они на одно лицо. Но ее слова заглушил скрипучий голос Морин:

– Когда умер Кен, я, по-моему, тоже на следующий вечер его видела. Вот как вас сейчас. Стоял в саду и глядел на меня в кухонное окно. Посреди своего розария.

Никто не отреагировал: это признание они слышали не раз. Прошла молчаливая минута, нарушаемая только деликатными глотками, а потом Морин опять заговорила, жестикулируя клешней:

– Гэвин на дружеской ноге с Фейрбразерами, верно, Майлз? Он ведь играет с Барри в сквош, да? Вернее, играл.

– Да, Барри его громил каждую неделю, хотя и был на десять лет старше. Гэвин, как видно, игрок слабый.

На озаренных язычками пламени лицах трех женщин появилось почти одинаковое самодовольно-смешливое выражение. Если и было у них что-то общее, так это слегка преувеличенный интерес к деловому партнеру Майлза, моложавому, высокому и жилистому. У Морин этот интерес объяснялся неутолимой любовью к местным сплетням: можно ли вообразить более желанную добычу, чем похождения видного холостяка? Ширли, в свою очередь, с удовольствием выслушивала упоминания о неуверенности и нерешительности Гэвина, потому что вследствие этих качеств он составлял восхитительный контраст с двумя ее богами – Говардом и Майлзом. Что же до Саманты, пассивность и осторожность Гэвина пробуждали в ней тигриную жестокость; она не могла дожидаться, чтобы какая-нибудь бабенка надавала ему пощечин, пробудила, расшевелила, подхлестнула. При каждой встрече она и сама его подкалывала, пребывая в убеждении, что он считает ее неотразимой и непрístupной.

– Как развивается его роман, – спросила Морин, – с той дамочкой, которая живет в Лондоне?

– Она больше там не живет, Мо. Она переехала сюда, на Хоуп-стрит, – уточнил Майлз. – И если я хоть что-то понимаю в таких делах, он уже сожалеет, что с ней связался. Вы же знаете Гэвина. Он вечно уходит на крыло.

В школе Гэвин учился на несколько классов младше, и Майлз всегда отзывался о своем деловом партнере с позиций старосты выпускного класса.

– Темненькая? Стриженная под мальчика?

– Именно, – подтвердил Майлз. – Инспектор социальной службы. Туфли без каблуков.
– А ведь она заходила к нам в магазин, помнишь, Говард? – Морин оживилась. – Судя по внешности, готовит она средненько.

За бульоном последовали эскалопы. Саманта при содействии Говарда соскальзывала все глубже в приятное подпитие, но внутренний голос не сдавался и, как утопающий, одиноко зывал о помощи. Она попыталась заглушить его очередным бокалом.

На стол свежей скатертью опустилась пауза, незапятнанная и выжидательная; на этот раз всем не терпелось, чтобы Говард поднял новую тему. Но он для начала сжевал несколько изрядных кусков свинины и запил вином. Наконец, освободив половину тарелки, он промокнул губы салфеткой и заговорил:

– Да, интересно, что сейчас закрутится в совете. – Тут ему пришлось прерваться, чтобы подавить мощную отрыжку; казалось, его сейчас вырвет. Он похлопал себя по груди. – Извиняюсь. Да, это будет весьма любопытно. Теперь, когда Фейрбразера не стало... – Говард деловито перешел на привычное именование по фамилии, – вряд ли его статья увидит свет. Разве что Бен-Задира вмешается, – добавил он.

Бен-Задирой он прозвал Парминдер Джаванду – «Бен-Задира Бхутто»⁶ – сразу после избрания ее в местный совет. В кругу антифилдсовцев это прозвище было встречено с восторгом.

– Как ее перекосило! – сказала Морин, обращаясь к Ширли. – Как ее перекосило, когда мы ей сообщили! Ну... я всегда подозревала... ты же знаешь...

Саманта наострила уши, но подозрения Морин были курам на смех. Парминдер состояла в браке с самым блистательным мужчиной Пэгфорда: у Викрама, высокого и стройного, были густые черные ресницы, орлиный нос и ленивая, понимающая улыбка. Не один год Саманта откидывала назад волосы и смеялась чаще, чем нужно, когда останавливалась на улице, чтобы перекинуться парой слов с Викрамом, у которого фигура была точь-в-точь как у Майлза, пока тот не забросил регби и не отрастил брюхо.

Когда Викрам и Парминдер поселились в их квартале, Саманта от кого-то услышала, что их женили по сговору. Ей это показалось невыразимо эротичным. Подумать только: стать женой Викрама по воле родителей, по обязанности; она даже пофантазировала, как ее, закутанную в чадру девственницу, покорную судьбе, ведут в какую-то комнату... А там она поднимает глаза и видит... подумать только... Не говоря уже о его работе – такая профессия способна из любого уroda создать секс-символ...

(Семь лет назад Викрам сделал Говарду четверное шунтирование. После этого в кулинарии «Моллисон энд Лоу» его неизменно встречали лавиной полушутливых приветствий: «Проходите без очереди, мистер Джаванда! Дамы, пропустите, пожалуйста, мистера Джаванду... нет-нет, мистер Джаванда. Я настаиваю... этот человек спас мне жизнь, подремонтировал старый движок... что для вас, мистер Джаванда, сэр?» Говард всякий раз навязывал Викраму бесплатные образцы продуктов и взвешивал товар с походом. По этой причине, как догадывалась Саманта, Викрам стал обходить его магазин стороной.)

Она утратила нить разговора, но это не имело значения. Остальные еще мусолили какую-то статью, якобы написанную Барри Фейрбразером для местной газеты.

– ...Как раз собирался переговорить с ним на эту тему, – громогласно рассказывал Говард. – Такие подковерные игры совершенно ни к чему. Ну ладно, это уже дело прошлое. Теперь нужно думать, кто заменит Фейрбразера. Хоть Бен-Задира и скисла, недооценивать ее нельзя. Это было бы ошибкой. Она, безусловно, уже где-то подсуетилась, так что мы, со своей стороны, должны без проволочек найти достойную замену. Чем скорей, тем лучше. Вопрос грамотного управления.

⁶ По созвучию с именем Беназир Бхутто (1953–2007) – премьер-министра Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 гг.

– Во что это выльется конкретно? – спросил Майлз. – В новые выборы?

– Возможно, – с видом знатока произнес Говард, – но сомнительно. Это так называемая случайная вакансия. Если орган местного самоуправления не требует новых выборов, то... хотя, повторяю, нельзя недооценивать Бен-Задиру... если она не сможет заручиться поддержкой девяти доброхотов, чтобы потребовать народного волеизъявления, мы просто кооптируем нового члена совета. Для ратификации такого решения нам понадобятся девять голосов. Девять голосов – это кворум. Срок Фейрбразера истекает только через три года. Есть за что побороться. Можно изменить весь ход событий, если на место Фейрбразера посадить нашего человека.

Говард барабанил толстыми пальцами по своему бокалу, глядя через стол на сына. Ширли и Морин тоже поедали его глазами, а Майлз, как заметила Саманта, уставился ответным взглядом на отца, словно большой, жирный лабрадор в ожидании подачи.

На трезвую голову Саманта, возможно, чуть быстрее могла бы сообразить, о чем идет речь и почему в воздухе витает праздничное настроение. Она расслабилась от вина, но сейчас вдруг поняла, что это ей мешает, потому как язык сделался непослушным после выпитой бутылки и долгого молчания. Так что она не рискнула высказаться вслух.

«Майлз, черт тебя дери, скажи им, что ты должен сперва посоветоваться со мной».

VII

Тесса Уолл не собиралась засиживаться у Мэри – она всегда нервничала, оставляя мужа и сына вдвоем, но получилось так, что ее визит растянулся на два часа. У Фейрбразеров некуда было ступить от раскладушек и спальных мешков; родня сомкнула ряды, чтобы заполнить брешь, нанесенную смертью, но никакое шумное оживление не могло скрыть ту пропасть, которая осталась после ухода Барри.

Впервые после смерти их друга оставшись наедине со своими мыслями, Тесса брела в темноте назад по Черч-роу; ноги болели; кардиган не спасал от холода. Тишину нарушал только перестук ее деревянных бус да еще телевизионный шум, доносившийся из домов.

Неожиданно для себя Тесса подумала: «Интересно, Барри знал?..»

Раньше ей не приходило в голову, что Колин мог поделиться с Барри главной тайной ее жизни, гнильцой, лежащей в основе их брака. Они с Колином никогда об этом не заговаривали (хотя какие-то отзвуки, случалось, мелькали в их беседах, особенно в последнее время).

Сегодня вечером ей показалось, что при упоминании Пупса Мэри стрельнула взглядом в ее сторону...

«Ты переутомилась, вот и выдумываешь всякую ерунду», – одернула себя Тесса. Колин был настолько скрытен, настолько замкнут, что никогда бы не проболтался, даже в разговорах с Барри, которого боготворил. Тесса с ужасом думала, что Барри все же мог знать... а его доброта по отношению к Колину рождалась из сожаления к тому, что сделала она, Тесса.

Когда она вошла в дом, по телевидению передавали выпуск новостей; Колин в очках сидел в гостиной. На коленях у него была стопка каких-то распечаток, а в руке – авторучка. К облегчению Тессы, Пупса поблизости не было.

– Как она? – спросил Колин.

– Да ты знаешь... не блестяще, – ответила Тесса. Опустившись в старое кресло, она блаженно застонала и сбросила стоптанные туфли. – Но брат Барри – это чудо.

– В каком смысле?

– Ну... понимаешь... он так ее поддерживает.

Закрыв глаза, Тесса массировала переносицу и веки большим и указательным пальцем.

– Мне он всегда казался слегка ненадежным, – донесся до нее голос Колина.

– В самом деле? – удивилась Тесса из добровольного мрака.

– Да. Помнишь, он обещал приехать, чтобы судить встречу с пакстонской школой? А сам отказался буквально за полчаса. Пришлось Бейтману ехать.

Тесса с трудом удержалась, чтобы его не одернуть. У Колина была привычка делать безапелляционные выводы на основе первых впечатлений или единичных случаев. Казалось, он не способен постичь безбрежную изменчивость человеческой природы и понять, что за неприглядной видимостью скрывается порой бурный и неповторимый мир – вот как у него.

– Во всяком случае, он с детьми прекрасно ладит, – осторожно выговорила Тесса. – Пойду-ка я спать.

Она не двинулась с места и лишь сосредоточилась на своих болячках: ноги, поясница, плечи.

– Тесс, я тут подумал...

– Мм?

За линзами очков глаза Колина делались маленькими, как у крота, отчего высокий шишковатый лоб с залысинами казался необъятным.

– Все, за что ратовал Барри в местном совете. Все, за что он боролся. Филдс. Наркологическая клиника. Я весь день думал. – Он сделал глубокий вдох. – И так сказать, решил продолжить его дело.

Дурные предчувствия пригвоздили Тессу к креслу, на миг лишив ее дара речи. Усилием воли она сохранила профессионально-спокойное выражение.

– Не сомневаюсь, Барри был бы доволен, – сказал Колин.

В его странно взволнованном голосе сквозили вызывающие ноты.

«Никогда, – предельно честно сказала про себя Тесса, – никогда, ни на одну секунду Барри не допустил бы такой мысли. Кто-кто, а он прекрасно знал, что ты меньше всего подходишь на эту роль».

– Боже, – произнесла она вслух. – Я понимаю, Барри был очень... Но это огромная ответственность, Колин. К тому же Парминдер остается на своем месте и сделает все, чтобы довершить начатое Барри.

«Нужно было сразу ей позвонить, – упрекнула себя Тесса и почувствовала угрызения совести. – Господи, почему же я ей не позвонила?»

– Но ее надо поддержать; в одиночку ей там не выстоять, – возразил Колин. – Ручаюсь, что Говард Моллисон прямо сейчас выбирает кого-нибудь из своих марионеток на замену Барри. А может, уже и...

– Оставь, Колин...

– Готов поспорить! Ты же знаешь, что он за фрукт! – Бумаги гладким белым водопадом заскользили с его коленей на пол. – Я хочу сделать это в память о Барри. Начну с того места, где он остановился. Прослежу, чтобы его дело не развеялось в пух и прах. Аргументы мне известны. Барри всегда говорил, что ему открылись возможности, которых в ином случае быть не могло. Сама видишь, сколько он сделал для общего блага. Непременно выставлю свою кандидатуру. Завтра же разужнаю, что для этого требуется.

– Хорошо, – сказала Тесса.

Многолетний опыт подсказывал ей, что в первом порыве энтузиазма Колин неуправляем; любое противодействие только добавляло ему настырности. А Колина тот же самый опыт подсказывал, что Тесса вначале для виду соглашается, а потом начинает спорить. Над такими дебатами всегда довлело невысказанное воспоминание о все той же давно хранимой тайне. Тесса чувствовала, что она у него в долгу. Он чувствовал, что ему должны.

– Я в самом деле хочу этого добиться, Тесса.

– Понимаю, Колин.

Она поднялась с кресла, не зная, хватит ли у нее сил подняться по лестнице.

– Ты спать собираешься?

– Через одну минуту. Мне нужно тут кое-что пролистать.

Он уже собирал с пола страницы с распечатанным текстом; судя по всему, новые планы заряжали его кипучей энергией.

Тесса медленно раздевалась в их общей спальне. Казалось, земное притяжение многократно усилилось, любое движение давалось с трудом – поднять руку, расстегнуть молнию, сделать самое необходимое. Накинув халат, она прошла в ванную и услышала, как наверху топают Пулс. Ее одиночество и усталость были результатом бесконечных челночных рейсов между мужем и сыном, которые существовали сами по себе, словно квартирный хозяин и жилец.

Собравшись снять часы, Тесса вспомнила, что еще вчера не смогла их найти. Сил нет... рассеянная стала... как можно было не позвонить Парминдер? В слезах и тревоге она зашаркала к постели.

Среда

I

В понедельник и вторник Кристал Уидон ночевала у своей подружки Никки, прямо на полу, потому что в пух и прах разругалась с матерью. Началось все с того, что Кристал, вернувшись с тусовки, застала на пороге Терри и Оббо, которые о чем-то беседовали. В Филдсе все знали этого типа: одутловатая физиономия, беззубая ухмылка, зеленые кружки очков без оправы, засаленная кожаная куртка.

– Заныкаешь у себя на пару деньков, ага, Тер? Внакладе не останешься, ага?

– Чего это она должна заныкать? – взвилась Кристал.

Робби протиснулся между ногами Терри и крепко обхватил Кристал за коленки. Робби не любил, когда в дом приходили мужчины. И в общем, не без оснований.

– Да ничего. Кампутеры.

– Не смей, – бросила ей Кристал, опасаясь, как бы у матери не завелись свободные деньги.

Но Оббо, как она подозревала, собирался расплатиться с Терри не деньгами, а сразу – пакетиком герыча.

– Не смей их брать.

Но Терри уже сказала «да». Сколько помнила Кристал, ее мамаша никому не могла отказать – она вечно соглашалась, поддакивала, прогибалась: «ага, пойдет; ладно, давай; вот, держи; да не вопрос».

Кристал ходила с ребятами покачаться на качелях под вечерним небом. Ее не отпускали напряг и злость. Смерть мистера Фейрбразера не укладывалась у нее в голове, но при этом как будто была под дых, отчего Кристал бросалась на людей. Она и без того терзалась, что стырила часы у Тессы Уолл. А зачем эта курица положила их Кристал под нос и закрыла глаза? На что она рассчитывала?

В тусовке было не легче. Джемма уже достала ее своими подколами насчет Пупса Уолла; в конце концов Кристал не стерпела и бросилась на нее с кулаками; Никки и Лианна едва удержали. Кристал помчалась домой – а там Оббо со своими компьютерами. Робби пытался вскарабкаться на башню коробок, а Терри балдела, даже не подняв с полу шприц и прочее хозяйство. Кто бы сомневался, что Оббо сунет ей дурь.

– Коза драная, тебя снова из клиники вышибут нафиг!

Но геройн делал мамашу неуязвимой. Хоть она и откликнулась, вяло бросив Кристал «сучонка» и «шлюшка», это было сделано скорее по привычке. Кристал залепила Терри пощечину. Терри обложила ее матом и пожелала сдохнуть.

– За ребенком смотри, йопта, корова тупая! – заорала Кристал.

Робби с ревом бросился за ней в коридор, но она захлопнула дверь у него перед носом.

В доме у Никки ей нравилось больше, чем в любом другом месте. Может, и не так чисто, как у бабули, зато без понтов, шумно и весело. У Никки было двое братьев и сестренка; Кристал спала на разложенном тюфяке между кроватями девчонок. На стенах висели журнальные картинки – целая галерея классных мальчиков и симпатичных девочек. Кристал никогда не приходило в голову хоть как-то украсить свою собственную комнату.

Но сейчас ее мучила совесть; перед глазами все время стояло перепуганное личико Робби, оставшегося перед захлопнутой дверью, так что в среду утром она сразу побежала домой. Родители Никки все равно не любили оставлять ее дольше чем на две ночи подряд. Со свойственной ей прямоотой Никки объяснила, что мама, в принципе, не против, если только

Кристал не сядет им на шею, но строго-настрого запрещает шляться сюда как в ночлежку, особенно после двенадцати ночи.

Терри встретила дочь как ни в чем не бывало. Рассказала о посещении новой инспекторши, и Кристал задергалась, представив, что подумала незваная гостья об их жилище, которое в последнее время совсем заросло грязью. А хуже всего было то, что Робби застучали дома: ведь год назад, когда решался вопрос об изъятии Робби из приемной семьи для возвращения родной матери, та подписалась водить ребенка в детсад – это было непременным условием. Кристал злилась еще и оттого, что посетительница застала Робби в подгузнике, хотя Кристал все силы положила на то, чтобы приучить его ходить по-маленькому в уборную.

– Че она сказала? – потребовала ответа Кристал.

– Сказала, еще зайдет, – выдавила Терри.

У Кристал возникли дурные предчувствия. Терри в минуты просветления робела перед дочерним гневом, и Кристал могла ею помыкать. Воспользовавшись своей временной властью, она велела матери одеться поприличнее, насильно втиснула Робби в чистый костюмчик, припугнула, чтобы не вздумал писать в штаны, и отвела в детский сад. Он заревел, когда Кристал оставила его в группе и пошла к выходу; сначала она на него цыкнула, но потом присела на корточки и пообещала, что скоро за ним придет; только тогда он ее отпустил.

Инспекторша, которая прежде курировала семью Уидонов, ни во что особо не вмешивалась. Рассеянная и суматошная, она часто путала имена и житейские обстоятельства своих подопечных, а наведывалась хорошо если раз в две недели, причем, похоже, с единственной целью: проверить, жив ли Робби.

Хотя это был ее самый любимый день – среда, когда в расписании стояли физкультура и воспитательский час, Кристал решила не ходить в школу, а вместо этого немного прибраться дома: разбрызгала по кухне хвойный аэрозоль от тараканов, смела заплесневелые продукты и старые окурки в мешок для мусора. Спрятала жестянку от печенья, в которой хранились все торчковые причиндалы Терри, а потом запихнула оставшиеся компьютеры (три уже забрали) в стенной шкаф у входа.

Отскребая от тарелок присохшие объедки, Кристал мыслями вернулась к тренировкам по гребле. Если бы мистер Фейрбразер был жив, следующая тренировка состоялась бы завтра вечером. Обычно он подвозил ее в своем минивэне туда и обратно, потому что иначе ей было не добраться до гребного канала в Ярвиле. К нему в машину садились также его дочери-близняшки, Нив и Шивон, и еще Сухвиндер Джаванда. В школе она с этими девчонками не общалась, но, став одной командой, они по ее примеру начали при встрече говорить: «Все путем?» Вначале Кристал подозревала, что они будут перед ней заноситься, но, познакомившись с ними поближе, успокоилась: девчонки как девчонки. Смеялись ее шуткам. Перенимали коронные словечки. Она, можно сказать, стала у них лидером.

У Кристал в семье отродясь не было автомобиля. Сосредоточившись, она могла бы хоть сейчас, посреди этой вонючей кухни, вспомнить, как пахло в салоне минивэна. Она обожала этот теплый пластиковый запах. Больше ей в этой тачке не ездить. Бывало, мистер Фейрбразер брал напрокат микроавтобус, чтобы отвезти в Ярвил всю команду; бывало, они даже уезжали с ночевкой, когда соревновались с какой-нибудь ближайшей школой. На заднем сиденье они распевали свои музыкальные позывные – песню Рианны «Зонтик», это была счастливая примета; но вначале Кристал исполняла вступление рэпера Джей-Зи. Мистер Фейрбразер, когда в первый раз услышал, так хохотал, что чуть не обделался.

Uh huh uh huh, Rihanna...
Good girl gone bad —
Take three —
Action.

No clouds in my storms...
Let it rain, I hydroplane into fame
Comin' down with the Dow Jones...⁷

Смысла этих слов Кристал не улавливала.

Кабби Уолл разослал им сообщение, что, мол, тренировки возобновятся после того, как школа найдет нового тренера. Да только нового тренера взять было негде, и вся команда понимала: он просто гонит.

Это была команда мистера Фейрбразера, его детище. Чего только Кристал не наслушалась от Никки и прочих, когда подписалась на это дело! За их издевками вначале скрывалось недоверие, а потом уважение, потому что команда выиграла медали. (Свою Кристал хранила в шкапулке, которую стырила у Никки дома. Кристал частенько подворовывала у людей, которые ей нравились. Шкапулка была пластмассовая, с розочками: если честно – просто детская коробочка для всяких мелочей. Сейчас в ней, свернувшись клубком, лежали еще и часы Тессы.)

Самый кайф был, когда они победили этих заносчивых сучек из школы Святой Анны, – тот день запомнился Кристал как самый счастливый в ее жизни. На утреннем построении директриса вызвала их команду перед всей школой (Кристал немного робела, потому что перед тем Никки и Лианна ее обсмеяли), и все им аплодировали... Это кое-что да значило: они, «Уинтердаун», порвали «Святую Анну».

Но теперь все накрылось: поездки на машине, гребля, расспросы газетчиков. Совсем недавно ее грела мысль, что скоро про нее опять напишут в газете. Мистер Фейрбразер обещал, что в редакцию они поедут вместе. Вдвоем.

– Че они спрашивать-то будут, типа?

– Про твою жизнь. Их интересует твоя жизнь.

Фу-ты ну-ты знаменитость. У Кристал не было денег на журналы, но она разглядывала фотки их команды у Никки дома и в приемной у доктора, когда водила Робби на лечение. А теперь... это могло получиться еще круче, чем с командой. Она лопалась от гордости, но не проболталась Никки с Лианной. Хотела их удивить. И хорошо, что не проболталась. В газете про нее теперь не напишут.

У Кристал внутри образовалась пустота. Перемещаясь по дому, она старалась больше не думать про мистера Фейрбразера и продолжала уборку – неумело, но терпеливо, а мать все это время сидела на кухне, курила и смотрела в окно на задний двор.

Около полудня перед их домом остановился старенький синий «воксхолл», из которого вышла женщина. Кристал засекала ее из комнаты Робби. Посетительница, темноволосая, стриженная под мальчика, приехала в черных брюках, с какой-то бисерной мулечкой, вроде как этнической, на шее и с большой сумкой через плечо, в которой, наверное, лежали конторские папки.

Кристал сбежала вниз.

– Кажись, пришла! – крикнула она Терри, по-прежнему сидевшей на кухне. – Инспекторша.

Женщина постучалась, и Кристал открыла ей дверь.

– Добрый день, меня зовут Кей, я заменяю Мэгги. А ты, видимо, Кристал?

– Ну, – сказала Кристал, не считая нужным отвечать улыбкой на улыбку.

Она провела гостью в комнату и отметила, что от той не укрылся относительный порядок: чистая пепельница, поднятое с полу и запихнутое в раздолбанный стеллаж барахло. Ковер, конечно, загажен, потому как пылесос давно сдох; на полу остались полотенце и цинковая мазь,

⁷ Ах-ха, ах-ха, Рианна... Хорошая девочка стала плохой — Дубль три — Мотор. Мои грозы без туч. Пусть льет дождь, я глассирую к славе, Падая вместе с индексом Доу-Джонса (англ.).

а на бортике пластмассовой ванночки – игрушечная машинка Робби. Этой машинкой Кристал пыталась отвлекать Робби, пока обрабатывала ему попу.

– Робби в садике, – доложила Кристал. – Я его отвела. Штанишки ему надела. Это она его в подгузнике держит. Сто раз ей говорила, чтоб так не делала. Я ему и попку кремом смазала. Скоро заживет, это у него опрелость, вот и все.

Кей опять улыбнулась. Кристал высунулась в коридор и прокричала:

– Мам!

Из кухни появилась Терри. На ней были джинсы и замызганная старая фуфайка; когда большая часть ее тела была прикрыта, выглядела она чуть получше.

– Добрый день, Терри, – сказала Кей.

– Все путем? – спросила Терри, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Сядь, – потребовала Кристал, и мать подчинилась, устроившись на прежнем месте. – Хотите чаю или еще чего-нибудь? – спросила Кристал у Кей.

– С удовольствием, – сказала Кей, опускаясь в кресло и открывая папку. – Спасибо.

Кристал поспешила выйти. Она чутко прислушивалась, чтобы не упустить ни слова из их разговора.

– Вы, наверное, не ожидали, что я так скоро появлюсь, Терри, – услышала Кристал (чуждой говорок: лондонский, что ли, как у той новенькой сучки, на которую все мальчишки запали), – но меня вчера очень обеспокоил Робби. Кристал говорит, сегодня он в детском саду?

– Ага, – подтвердила Терри. – Она его отвела. Токо утром вернулась.

– Вернулась? Где же она была?

– Я... это... у подружки ночевала. – Кристал поспешила обратно в комнату, чтобы говорить за себя.

– Ну да, токо утром вернулась, – повторила Терри.

Кристал ушла на кухню следить за чайником. Перед тем как вскипеть, он так загрохотал, что она перестала разбирать беседу матери с инспекторшей. Плеснув молока поверх чайных пакетиков, Кристал поспешила отнести три горяченные кружки в гостиную и застала обрывок фразы:

– ...в детском саду поговорила с миссис Харпер.

– Та еще стерва, – бросила Терри.

– Пейте, – сказала Кристал, ставя кружки на пол и поворачивая одну ручкой к Кей.

– Большое спасибо, – сказала Кей. – Терри, миссис Харпер сообщила, что у Робби за последние три месяца было очень много пропусков. Ни одной полной недели, это так?

– Чего? – переспросила Терри. – Ну да. То ись нет. Он токо вчера пропустил. И еще кода горло болело.

– Когда же это было?

– Да с месяц тому. С полмесяца. Типа того.

Кристал присела на подлокотник маминого кресла. Сложив руки на груди, точь-в-точь как мать, она недобро взирала со своего насеста на Кей и энергично жевала резинку. Кей раскрыла у себя на коленях толстую папку. Кристал ненавидела папки. Понапишут всякой фигни, подошьют в папку, а ты потом отвечай.

– Я сама вожу Робби в садик, – сказала она. – Перед школой.

– По данным миссис Харпер, посещаемость Робби резко упала, – сказала Кей, сверяясь со сведениями, полученными от директора детского сада. – Все дело в том, Терри, что год назад, когда вам вернули сына, вы обязались водить его в детское учреждение.

– Какое, нафиг... – заговорила Терри.

– Нет, молчи, поняла? – осадила ее Кристал. А потом обратилась к Кей: – Он у нас приболел, точно говорю, миндалины распухли, я у доктора антибиотики для него получала.

– И когда же это было?

– Да уж три недели как... Короче, это...

– Вчера во время нашей встречи, Терри, – сказала Кей, снова обращаясь к матери Робби (Кристал яростно жевала, отгородившись барьером сложенных рук), – у меня создалось впечатление, что вы с огромным трудом откликаетесь на нужды Робби.

Кристал бросила быстрый взгляд сверху вниз. Ее бедро, расплющенное подлокотником, было вдвое толще материнского.

– Да я... Чтоб я... – Тут Терри передумала. – Он у меня присмотрен.

У Кристал в мозгу хищно кружило дурное предчувствие.

– Терри, вы ведь вчера, перед моим приходом, кололись, верно?

– Ни фиги! Ты мне тут... Ах ты, зараза... Нет, не кололась я, понятно?

Кристал задыхалась, у нее звенело в ушах. Значит, Оббо дал матери не одну дозу, а целый вес. И та вмазалась до прихода инспекторши. Теперь у нее в «Беллчепеле» будут положительные пробы, и ее опять турнут...

(А если ее снимут с метадона, опять начнется все тот же кошмар: Терри будет брать в свой беззубый рот у первого встречного, чтобы только ширнуться. Робби опять у них заберут, и в этот раз, возможно, навсегда. В кармане у Кристал лежал брелок в виде красного сердечка, а в нем – фотография Робби в годовалом возрасте. Сердце у нее заколотилось, как в те минуты, когда она гребла в полную силу, налегала, налегала на весла и не щадила ни одной мышцы, видя отставание соперниц...)

– Вот гадина, – вырвалось у нее, но этого никто не услышал, так как Терри во всю глотку орала на Кей, которая с невозмутимым видом держала в руках кружку.

– Ни фиги я не ширялась, не докажешь...

– Мозгов совсем нету, – повысила голос Кристал.

– Ни фиги не ширялась, брешешь ты все! – вопила Терри, дергаясь, как угодившая в сеть зверушка, и запутываясь все сильнее. – На кой мне это надо, да я ни в жисть...

– Тебя опять турнут, нафиг, из клиники, коза драная!

– Ишь на маму пасть разевает!

– Ладно.

Кей попыталась перекрыть эти вопли, опустила кружку на пол и поднялась с места в испуге от спровоцированной ею сцены. Но тут ее охватила настоящая паника, и она вскричала: «Терри!» – потому что мать приподнялась на локте у себя в кресле и поравнялась лицом с дочерью; почти столкнувшись носом к носу, они, как ведьмы, сыпали проклятиями.

– Кристал! – завопила Кей, увидев ее вскинутый кулак.

Кристал в бешенстве сорвалась с места и отскочила подальше от матери. К своему удивлению, она почувствовала, что по щекам у нее течет что-то теплое, и не могла взять в толк, откуда кровь, но это были слезы, всего лишь прозрачные слезы, которые блеснули у нее на пальцах, когда она провела рукой по лицу.

– Ладно, – нервозно повторила Кей, – давайте, пожалуйста, успокоимся.

– Сама успокойся, – бросила ей Кристал.

Дрожа, она утерлась тыльной стороной запястья и бросилась назад, к креслу. Терри съжилась, но Кристал всего лишь вытряхнула у нее из пачки последнюю сигарету, шелкнула зажигалкой и закурила. После первой затяжки она повернулась спиной и отошла к окну, глотая слезы.

– Хорошо, – сказала Кей, не рискуя сесть, – если мы сможем поговорить спокойно...

– Да пошла ты, – мрачно буркнула Терри.

– Речь идет о Робби, – выговорила Кей. Она не расслаблялась. – Поэтому я здесь. Мне нужно было убедиться, что с ним все в порядке.

– Подумаешь, в сад не ходил, – процедила, стоя у окна, Кристал. – Тоже мне преступление.

– Тоже мне преступление, – смурным эхом подхватила Терри.

– Детский сад – это только часть проблемы, – возразила Кей. – Во время моего вчерашнего посещения Робби нервничал и был неопрятен. Он большой мальчик и не должен ходить в подгузнике.

– Какой, нафиг, подгузник, говорю же, я ему штаны надела, не доходит, что ли? – вскинулась Кристал.

– Извините меня, Терри, – сказала Кей, – но вчера вы были не в состоянии обеспечить ребенку должный уход.

– Да чтоб я...

– Можете сколько угодно твердить, что бросили, – продолжила Кей, и Кристал впервые услышала в ее голосе что-то человеческое: досаду, раздражение. – Но в клинике вам сделают анализы. Мы с вами понимаем, что результат будет положительный. Вам же объяснили, что это последний шанс, что вас исключат из программы.

Терри вытерла рукой губы.

– Послушайте меня, я вижу, что вы обе не хотите потерять малыша.

– Так отвяжитесь от нас – и все! – выкрикнула Кристал.

– Все не так просто, Терри. – Кей опять села и подняла с пола тяжелую папку. – Когда в прошлом году Робби к вам вернулся, вы не употребляли героин. Вы взяли на себя серьезное обязательство вернуться к нормальной жизни и пройти курс реабилитации; вы приняли также и другие условия: например, водить Робби в детский сад...

– Ну так водили же...

– Очень недолго, – сказала Кей. – Да, сначала водили, но только для виду. Этого недостаточно, Терри. После всего, что я здесь увидела, после того как я побеседовала с вашим наркологом и с миссис Харпер, нам, видимо, придется вмешаться в существующее положение.

– Это как? – не поняла Кристал. – Опять пересмотр дела, типа? На кой это вам? На кой? Он у нас в порядке, я за ним смотрю... да заткнись же ты, мать твою! – заорала она на Терри, когда та попыталась спорить из своего кресла. – Она не... Я сама за ним смотрю, понятно? – Раскрасневшись, она ткнула себя в грудь; в густо накрашенных глазах стояли злые слезы.

Робби месяц жил в приемной семье, и Кристал регулярно его навещала. Он льнул к ней, звал пить чай, плакал, когда она уходила. Ее как будто резали по живому. Кристал хотела, чтобы он пожил у бабули Кэт, – в детстве Кристал и сама частенько жила у нее, когда Терри срывалась с катушек. Но бабуля совсем состарилась и сдала, ей было не до Робби.

– Я понимаю, ты любишь брата, Кристал, и делаешь для него все, что в твоих силах, – сказала Кей, – но по закону ты не имеешь права...

– Здрасьте, это еще почему? Я ему сестра или кто?

– Ладно, – решительно отрезала Кей. – Терри, давайте смотреть правде в глаза. Если вы придете в клинику, сделаете вид, будто не употребляли наркотики, а потом у вас окажется положительный анализ, из программы вас безусловно исключат. Я это знаю от вашего нарколога.

Сжавшись в кресле, эта странная беззубая девочка-старушка смотрела перед собой пустым, горестным взглядом.

– Я считаю, выход у вас один, – продолжала Кей. – Открыто признаться, что вы нарушили запрет, не вступать в пререкания и доказать, что вы готовы начать с чистого листа.

Терри не мигая смотрела перед собой. Из многочисленных затруднений, с которыми она сталкивалась, ей был известен только один выход: обман. *Ага, лады, замечано, давай сюда, а потом: Не, чтоб мне сдохнуть, я вообще не при делах...*

– Притом что вы получаете значительные дозы метадона, у вас на этой неделе был какой-то особый повод сделать себе укол героина? – спросила Кей.

– Был, был, – вмешалась Кристал. – Это все Оббо, она ему ни в чем не отказывает.

– Заткнись, – вяло бросила Терри, пытаясь, как видно, осмыслить этот подозрительный, опасный совет: сказать правду.

– Оббо, – повторила Кей. – Кто такой Оббо?

– Барыга чертов, – объяснила Кристал.

– То есть он снабжает вас наркотиками? – уточнила Кей.

– Заткнись, нафиг, – еще раз посоветовала Терри дочке.

– Че ты его не послала куда подальше? – обрушилась Кристал на мать.

– Ладно, – в который раз выговорила Кей. – Терри, я собираюсь сделать повторный звонок вашему наркологу. Попытаюсь ее убедить, что для вашей семьи будет лучше, если вы пройдете курс реабилитации до конца.

– Без балды? – изумилась Кристал: поначалу эта инспекторша показалась ей такой гаденой, даже хуже, чем приемная мать Робби, чистоплюйка со своими подходцами, от которых Кристал чувствовала себя последним дерьмом.

– Да, – подтвердила Кей, – я постараюсь. Но, Терри, нам, то есть Комиссии по охране детства, положение представляется очень серьезным. Мы будем тщательно контролировать условия проживания Робби. Мы должны увидеть перемены к лучшему, Терри.

– Заметано, ага, – согласилась Терри, как соглашалась на все и всегда.

Но тут заговорила Кристал:

– Ты справишься, точно. Она справится. Я ей помогу. Она справится.

II

По средам Ширли Моллисон ездила в Юго-Западную клиническую больницу Ярвила. Вместе с десятком других волонтеров она выполняла разные неквалифицированные поручения: развозила по палатам библиотечные книги, ухаживала за букетами пациентов или спускалась в киоск, чтобы приобрести какие-то мелочи для лежачих больных, кого не навещали родные. Но больше всего ей нравилось, переходя от одной койки к другой, принимать заказы на завтрак, обед и ужин. Как-то раз спешивший мимо доктор, увидев у нее папку с зажимом для бумаг и ламинированный пропуск, даже принял ее за сотрудницу канцелярии.

На мысль заняться волонтерской деятельностью навела ее Джулия Фоли в ходе их самой длительной беседы во время одного из чудеснейших рождественских приемов в Суитлав-Хаусе. Тогда-то она и узнала, что Джулия собирает средства на создание педиатрического отделения в местной больнице.

– Нам как воздух необходим визит кого-нибудь из членов королевской семьи, – говорила Джулия, глядя через плечо Ширли на вход. – Я собираюсь попросить Обри ненавязчиво переговорить с Норманом Бейли. Простите, мне надо поздороваться с Лоренсом...

Оставшись стоять в одиночестве у рояля, Ширли проговорила в пустоту: «Конечно-конечно». Она понятия не имела, кто такой Норман Бейли, но чувствовала, что это упущение. На другое утро, даже не посоветовавшись с Говардом, она позвонила в Юго-Западную клиническую больницу и спросила, нужны ли им волонтеры. Удостоверившись, что от нее не требуется ничего, кроме безупречной репутации, уравновешенности и здоровых ног, она попросила прислать ей бланк заявки.

Волонтерство открыло Ширли совершенно новый, удивительный мир. Тогда, у рояля, Джулия Фоли ненароком подвела ее вплотную к давней мечте: скромно сцепив перед собой руки, Ширли будет стоять с ламинированным пропуском на шее, когда вдоль шеренги добровольных помощников медицины неспешно прошествует ее величество. Тут Ширли сделает идеальный реверанс и тем самым обратит на себя внимание королевы; та остановится, чтобы перемолвиться словом с Ширли, поблагодарит ее, что она, не считаясь со временем... вспышка фотокамеры, а на следующий день – фото в газете: «Королева беседует с миссис Ширли Мол-

лисон, работающей на общественных началах...» Когда Ширли воображала эту сцену, ее порой охватывал почти священный трепет.

А кроме того, волонтерство давало ей в руки сверкающее оружие против заносчивости Морин. Когда вдова Кена вдруг преобразилась, как Золушка, из продавщицы в совладелецницу, она стала задирать нос, чем приводила в бешенство Ширли (которая, впрочем, неизменно встречала ее кошачьей улыбкой). Но Ширли поднялась на ступень выше: она трудилась не ради наживы, а ради высоких идеалов сердца. Волонтерство давно стало признаком хорошего тона: оно привлекало таких женщин, которые, как она сама и Джулия Фоли, не нуждались в деньгах. Более того, пропуск в больницу давал Ширли доступ к неограниченным запасам сплетен, с которыми не мог сравниться назойливый щебет Морин по поводу открытия нового кафе.

Сегодня утром Ширли уверенно попросила координатора волонтерской службы направить ее в двадцать восьмую палату онкологического отделения. На посту возле этой палаты она рассчитывала застать единственную медсестру, с которой сумела подружиться; молоденькие девчонки порой дерзили и выговаривали волонтерам, тогда как Рут Прайс, вернувшаяся к сестринской профессии после шестнадцатилетнего перерыва, привлекла ее с самого начала. Обе они, как подчеркивала Ширли, были «уроженками Пэгфорда», и это их сближало.

(Если уж совсем честно, Ширли не была уроженкой Пэгфорда. Они с младшей сестрой выросли в Ярвиле, в тесной, грязноватой квартирке, принадлежавшей их матери. Мать Ширли была пьянчужкой; она не давала развода отцу девочек, которого те никогда не видели. Казалось, все мужчины в округе знали мать Ширли по имени и говорили о ней с ухмылкой... но это давным-давно кануло в прошлое, а Ширли считала, что прошлое выветривается, если только о нем не вспоминать. Она и не вспоминала.)

Ширли и Рут радостно поздоровались, но сегодня у обеих была масса дел, и они успели только обменяться короткими фразами насчет внезапной кончины Барри Фейрбразера. Они договорились пойти в столовую около половины первого, и Ширли отправилась за библиотечной тележкой.

Она пребывала в прекрасном расположении духа. Будущее виделось ей столь же отчетливо, как настоящее. Говард, Майлз и Обри Фоли собирались сплотиться, чтобы раз и навсегда покончить с предместьем Филдс; такое достижение не грех будет отметить торжественным приемом в Суитлав-Хаусе...

Ширли завораживало это имение: огромный сад с прудами, солнечными часами и затейливо подстриженной живой изгородью; широкий коридор, обшитый деревом, на рояле – фотография в серебряной рамке: хозяйка дома беседует с дочерью королевы. Со стороны четы Фоли не чувствовалось ни тени высокомерия к Говарду и Ширли; правда, попав в орбиту этой семьи, Ширли заметила, что хозяев дома во время каждой встречи что-нибудь отвлекает. А ведь как мило было бы им впятером устроить приватный ужин в одном из этих восхитительных малых залов: Говард сел бы рядом с Джулией, Ширли – по правую руку от Обри, а между ними – Майлз. (У Саманты в фантазиях ее свекрови неизменно находились другие дела.)

Ровно в половине первого Ширли и Рут нашли друг друга у стойки с йогуртами. В шумной больничной столовой еще не было того столпотворения, какое начиналось в час дня, и они без труда нашли липкий, в крошках столик на двоих у стены.

– Как Саймон? Как мальчики? – спрашивала Ширли, пока Рут вытирала столешницу.

Затем они переставили на столик содержимое своих подносов и сели друг к другу лицом, собираясь поболтать.

– Сай – лучше всех, спасибо, прекрасно. Сегодня привезет домой новый компьютер. Мальчики ждут не дождутся, вы же понимаете.

Это не вполне соответствовало истине. У Эндрю и Пола были свои простенькие ноутбуки; большой компьютер находился в углу тесной гостиной, и мальчики к нему не прикасались, предпочитая лишний раз не попадаться на глаза отцу. В рассказах Рут ее сыновья выглядели

намного младше, чем на самом деле: покладистые, предсказуемые, смешливые. По-видимому, она и себя старалась выставить моложе, подчеркнуть разницу в возрасте – почти в два десятка лет – между собой и Ширли, чтобы они с ней еще более походили на мать и дочь. Рут потеряла мать десять лет назад, и у нее не осталось старшей подруги, а у Ширли хоть и была дочь, но отношения с ней, как она намекала, оставляли желать лучшего.

– Мы с Майлзом всегда были очень близки. А у Патриции довольно трудный характер. Она сейчас живет в Лондоне.

Рут не терпелось узнать подробнее, но они с Ширли в первую очередь ценили друг в дружке сдержанную гордость: обе с достоинством являли миру ничем не омраченный фасад. Запрытав подальше свое любопытство, она все же не оставляла надежды со временем разузнать, в чем проявляется трудный характер Патриции. Взаимная симпатия Ширли и Рут основывалась на признании того факта, что подруга более всего гордится многолетней привязанностью своего мужа. Они, как члены масонской ложи, выработали особый код, благодаря которому чувствовали себя друг с дружкой более комфортно, чем в компании других женщин. Их заговору добавляло остроты чувство превосходства: каждая втайне жалела другую за выбор такого мужа. Рут считала Говарда физически омерзительным и не могла понять, как Ширли, хоть и поленькая, но вполне симпатичная, согласилась за него выйти. А Ширли, которая в глаза не видела Саймона и не слышала, чтобы его упоминали в высших сферах Пэгфорда, заключила, что Рут страшно далека от светской жизни, а муж у нее – домосед и неудачник.

– Так вот, Майлз и Саманта доставили Барри в мое дежурство, – без предисловий заговорила Рут. В отличие от Ширли она не владела тонкостями светской беседы и не умела маскировать свою жадную тягу к пэгфордским сплетням: если они и долетали к ней на вершину взмывшего над городом холма, то разбивались о нелюдимость Саймона. – Они и вправду все видели?

– О да, – подхватила Ширли. – В воскресенье вечером они ужинали в гольф-клубе: девочки после каникул вернулись в школу, а Сэм предпочитает питаться вне дома, готовит-то она посредственно...

Мало-помалу, во время перерывов на кофе, Рут сделала для себя выводы относительно изнанки брака Майлза и Саманты. Ширли упомянула, что ее сын женился в силу своей порядочности, когда Саманта забеременела старшей дочкой, Лекси.

– Комар носу не подточит, – вздохнула Ширли с прозрачной бравадой. – Майлз поступил как положено; иного я от него и не ждала. Девочки у них – само очарование. Жаль, что у Майлза нет сына – это был бы чудный мальчик. Но Сэм третьего не захотела.

Каждый завуалированный выпад против Саманты был для Рут на вес золота. Она с первого взгляда невзлюбила невестку Ширли еще в ту пору, когда водила четырехлетнего Эндрю в подготовительную группу; туда же Саманта водила Лекси. Визгливый смех, выкаченный наружу бюст и соленые шуточки, адресованные молодым матерям, ожидавшим во дворике, делали ее в глазах Рут опасной хищницей. Не первый год Рут наблюдала, как Саманта, приходя в школу на день открытых дверей, выпячивает массивную грудь, перед тем как вызвать на разговор доктора Викрама Джаванду, и спешила увести Саймона за угол, чтобы им не пришлось с ней общаться.

Ширли во всех подробностях пересказывала с чужих слов повесть о последнем путешествии Барри, всячески подчеркивая заслуги Майлза, который мгновенно вызвал «скорую», поддержал Мэри Фейрбразер, сопровождал ее в больницу и оставался там до приезда супругов Уолл. Рут слушала внимательно, хотя и с некоторой досадой: у Ширли куда увлекательнее получалось критиковать многочисленные недостатки Саманты, нежели превозносить достоинства сына. А главное, ей самой не терпелось рассказать кое-что интересное.

– Значит, в совете образовалось свободное место, – подытожила Рут, едва дождавшись того момента, когда Майлз с Самантой уступили сцену Колину и Тессе Уолл.

– Для этого есть термин: «случайная вакансия», – любезно подсказала Ширли.

Рут собралась с духом.

– Саймон, – выговорила она с радостным волнением, – хочет выставить свою кандидатуру!

Машинально улыбнувшись, Ширли удивленно-вежливо вздернула брови, а потом отпила чаю, чтобы спрятать лицо. Рут и подумать не могла, что ее слова вывели приятельницу из равновесия. Она заранее представляла, как обрадуется Ширли, узнав, что их мужа будут вместе заседать в совете, а возможно, и чем-нибудь посодействует.

– Я от него вчера вечером узнала, – с важным видом продолжала Рут. – Он давно об этом задумывался.

Некоторые другие планы Саймона, как то развести на деньги Грейза, чтобы оставить его фирму подрядчиком совета, Рут немедленно выбросила из головы, как вычеркивала из памяти все его неприглядные делишки и мелкие нарушения закона.

– Кто бы мог подумать, что Саймона интересует участие в местном самоуправлении, – пропела Ширли легким и приятным тоном.

– Еще как, – подтвердила Рут, которая до вчерашнего вечера ни сном ни духом об этом не догадывалась. – Очень даже интересует.

– А он обращался к доктору Парминдер Джаванде? – спросила Ширли, отпив еще чаю. – Она не вызвалась помочь?

Рут слегка оторопела и не смогла скрыть замешательство.

– Да нет, я не... Саймон сто лет к врачам не обращался. Он на здоровье не жалуется.

Ширли улыбнулась. Если Саймон выступает сам по себе, без поддержки фракции Джаванды, то его можно сбросить со счетов. Ей даже стало жаль Рут: младшую подругу ждал неприятный сюрприз. Сама Ширли, знакомая со всеми мало-мальски уважаемыми гражданами Пэгфорда, не узнала бы мужа Рут, надумай он зайти в кулинарию за продуктами; бедняжка Рут – хоть бы спросила себя, кто станет за него голосовать. В то же время был один вопрос, который, по мнению Ширли, Говард и Обри непременно попросили бы ее задать как бы невзначай:

– Саймон с рождения живет в Пэгфорде, да?

– Не совсем: он родом из Филдса, – ответила Рут.

– Понимаю, – сказала Ширли.

Аккуратно вскрыв стаканчик йогурта, она задумчиво погрузила в него пластмассовую чайную ложку. Саймон наверняка присоединится к тем, кто ратует за сохранение Филдса, а это полезно знать наперед, вне зависимости от его шансов на выборах.

– Это на сайте появится или как там положено о себе заявлять? – спросила Рут, все еще надеясь на запоздалый проблеск интереса и поддержки.

– Видимо, да, – туманно произнесла Ширли. – Думаю, так.

III

В среду последним уроком у Эндрю, Пупса и двадцати семи других стояла, как выражался Пупс, «спазматика». Это был если не самый дебильный, то второй по дебильности набор математических дисциплин, который доверили самой слабой учительнице – прыщавой девушке, вчерашней студентке, которая не справлялась с дисциплиной и временами чуть не плакала. Пупс, еще в прошлом учебном году сознательно решивший снизить свою успеваемость, был низвергнут из наиболее сильной группы в ряды изучающих спазматику. А Эндрю, который всю жизнь был не в ладу с цифрами, постоянно опасался, как бы его не перевели на самый дебильный уровень – к таким, как Кристал Уидон и ее двоюродный братец Дейн Талли.

Эндрю и Пупс сидели вместе за последней партой. Время от времени, когда ему надоело смешить одноклассников и подбивать их на разные приколы, Пупс подсказывал Эндрю

решение задачки. В классе стоял оглушительный гвалт. Мисс Харви кричала во все горло, призывая учеников к порядку. Листки для классной работы были исписаны похабщиной; ребята свободно перемещались по классу, грохоча стульями; стоило мисс Харви отвернуться, как из трубочек летели пульки жеваной бумаги. Иногда Пупс под надуманным предлогом поднимался из-за парты и начинал расхаживать туда-сюда, изображая дерганую, с неподвижными руками походку Кабби. Здесь Пупс давал волю своему юмору; зато на уроках английского и литературы, где они с Эндрю были в самой сильной группе, на такие пародии он не разменивался.

Непосредственно перед Эндрю сидела Сухвиндер Джаванда.

Давным-давно, в младших классах, Эндрю, Пупс и другие ребята дергали Сухвиндер за иссиня-черную косичку; при игре в пятнашки это напрашивалось само собой, да и на уроках, когда учитель отворачивался, трудно было удержаться, если эта косичка болталась, вот как сейчас, прямо у тебя перед глазами. Но Эндрю отошел от этих детских шалостей; его больше не тянуло дотрагиваться до этой косички, равно как и до самой Сухвиндер: она была одной из немногих девчонок, на которых не задерживался его взгляд. Как указал ему Пупс, у Сухвиндер над верхней губой темнели усики. Другое дело – ее старшая сестра, Ясвант: фигуристая, с осиной талией и таким личиком, которое до появления Гайи казалось Эндрю прекрасным: высокие скулы, гладкая золотистая кожа, миндалевидные влажные карие глаза. Само собой разумеется, Ясвант оставалась недостижимой: на два класса старше, круглая отличница, да еще с полным осознанием (вплоть до последнего мальчишеского стояка) своих прелестей.

Сухвиндер, единственная в классе, не издавала ни звука. Ссутулившись и склонив голову к парте, она окружила себя коконом сосредоточенности. Левый рукав джемпера спускался на кисть руки, делая ее похожей на шерстистый клубок. Такая неподвижность подчас выглядела неестественной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.